

*Все, что память сберечь мне старается,
Пропадает в безумных годах...*

Александр Блок

ПОСЛЕДНЕЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ ДВАДЦАТОГО ВЕКА

Последнее десятилетие двадцатого века — не в ряду ли самых тягостных для нашего народа и нашей страны, в течение столетия перенесшей, казалось бы, непереносимое: три (или сколько их?) революции, багровые дымы Гражданской войны, ГУЛАГ, разгром крестьянства, великую войну, не только официально, но и народным сознанием воспринятую как Великая Отечественная.

Тяжелое, никак не преходящее чувство от расстрела парламента. Разве только от парламента, от черной копоти на многоэтажной фасадной стене так называемого Белого дома?

Сколько погибших? Конечно же, не трое, официально назначенных героями, как то было в августе девяносто первого. Теперь погибших не чествуют. И гласно не считают. Принимается новая Конституция, а комиссию по ее подготовке и председателя избили, когда ельцинисты расправлялись с чужими и своими за московскую мятежную волну (малую гражданскую), за мэрию и Останкино.

Недовольны шахтеры, рабочие могучих заводов, наподобие ЗИЛа, крестьяне. Но, как все-

гда, дорвавшись до власти менее всего об этом думают; а первый российский пустотщеславный президент-гарант (чего?) — в особенности: некогда! Его безудержно тянет на спиртное; еще он — с угодливой ли подсказки? — надумал покрасоваться в американском Конгрессе, где словами одесского эмигранта попросил Бога благословить и хранить Америку и своими словами — еще и Россию. «Гарант», не только Америку и Россию, а целый мир хранить надо, все земли и народы! И просить на то благословения у Всевышнего.

ЦЕНТР ДУХОВНОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ ЧЕРНОЗЕМНОГО КРАЯ

На вольных хлебах было трудно продержаться. Предложил ассоциации «Черноземье» идею: создать культурно-просветительский центр на области Воронежскую, Курскую, Белгородскую, Тамбовскую, Липецкую, Орловскую. Проспект деятельности центра — несколько направлений: семья, славянский мир, зарубежные соотечественники, фольклор и народные промыслы, издательская деятельность, предусматривавшая выпуск книг о полях славы, музеях, достопримечательных местах, памятниках природы, выдающихся уроженцах Черноземного края, альбомы о Воронеже и бывших уездных городках.

Предложил и название новоучрежденного центра (февраль 1994 года) — принято сразу и прижившееся.

В газете «Коммуна» от 3 июня 1994 года опубликовал статью «Без малых дел не будет и больших», в которой были обозначены программные вехи: «Духовное возрождение предполагает восстановление (возрождение забытых или искусственно погашенных духовных ценностей, традиций, верований, самобытных начал) — всего того, что на протяжении веков являлось в лучшем смысле духовно-культурным полем народной жизни, а также приобщение наших земляков к культурному наследию, во многом забытому, искаженному или вовсе уничтоженному, становление молодого современника на естественном сочетании лучшего в опыте наших предков и лучшего в опыте мировой цивилизации... любая культура национально-самобытна, у нее есть территориальный и этнографический адрес, ее рождают и питают малые родины. Вместе с тем культура не может существовать без живого диалога взаимообогащений и взаимопроникновений... Истинная культура не проходит по ведомству ни большевиков, ни демократов, ни радикальных прогрессистов, ни консервативных традиционалистов, хотя в ней все есть: и традиция, и авангард, и верность старому, и поиск нового. Культура, не как политика, моральна, и если она все же используется политикой, долг (миссия) ее — не взбираться на баррикады и не размахивать митинговыми флагами; миссия ее — научить видеть человека и на другой, противоположной стороне. “Что ты считаешь райским садом, я назову крошечным адом?” — долг (миссия) выявить и запечатлеть истинные лики нас окружающего мира и назвать все по истине и милосердной справедливости... Мы обращаемся ко всем, кто тревожится за судьбы родной земли, к организациям, обществам, фондам — выслушать друг друга, сверить и по возможности соединить силы, замыслы, чтобы помочь возрождению нашего края, чтобы жизнь в нем, беря лучшее у прошлого и современности — чтобы она стала разумней, душевней, достойней.

Многие из нас ходят по родной земле, опустив голову, удрученные, разочарованные, сбитые с толку. И все же, несмотря на нынешнее безладье, отсутствие как закона, так и благодати, не время ли распрямиться, поднять голову? Улыбнуться друг другу, улыбнуться солнцу. Еще не ночь...»

Отдал Центру три года. Главный редактор «Воронежской историко-культурной энциклопедии» указал мой директорский срок правильно, а затем в другом издании ошибочно, то ли по нечаянной забывчивости укоротил его. Как бы то ни было, именно в первые годы существования Центра были не только разработаны его планы, проспекты, головные идеи, но и было осуществлено многое по части издательской и просветительской.

НА ВОРОНЕЖСКИХ ХОЛМАХ С СОЛЖЕНИЦЫНЫМ

Многолетнему председателю Воронежской писательской организации, поэту Владимиру Гордейчеву, когда-то, как и я, письменно выражавшему свою благодарность автору «Одного дня Ивана Денисовича» и «Матренина двора» за обращенность к судьбе России, Александр Исаевич Солженицын позвонил, прося организовать его пребывание в Воронеже. Гордейчев договорился с властями, в свою очередь позвонил мне. И он, и я, журналисты, фотокорреспонденты встретили гостя в раннеутренний сентябрьский час на перроне вокзала. После его обустройства в гостинице «Дон» — небольшая прогулка втроем (Солженицын, Гордейчев и я) по старой части города: от Каменного моста до Кольцовского сквера и Университетской площади. Беседа на ходу — в перескоках. Все, что касалось истории России, судьбы крестьянства, нынешнего рыночного большевизма, — совпадающее. Высокая оценка писателей деревенской темы. Один штрих — побочный, но из существенных. Спросили у Солженицына о его невчерашнем и неожиданном, оспаривающем взгляде на авторство Михаила Александровича Шолохова в «Тихом Доне»: может, переменял он этот взгляд. Не могла не понравиться как бы смущающаяся, искренняя улыбка писателя, но ответил он при том уклончиво: «Хочется до конца понять, кто написал мой любимый роман двадцатого века».

Попозже прогулка вдвоем выдалась более продолжительной — с высоты над-речного спуска показывал писателю невидимое, бывшее «великое корабельное строение», корабельную верфь, рассказывал о Петре Первом в его воронежские приезды, что вызывало самый живой интерес у писателя, поскольку предки Солженицына (именно из воронежской, бобровской стороны) претерпели от царя разорение и сожжение родного крова. Говорили о славянском мире, о судьбах крестьянства, об уездной России и бывлых уездных городках: Борисоглебске, Новохоперске, Павловске, Острогожске, Россоши — здесь наши взгляды оказались солидарными, приемлюще сопереживательными.

Выступил я и на встрече писателя с воронежцами в «Апексе» — самом вместительном городском зале, — размышляя вслух о том, что не устарело «Письмо к вождям Советского Союза», поскольку новая власть едва не все лучшее прежнее изгубила, едва не все худшее прежнее взяла на вооружение; еще — об опасной поступи тотального прогресса, еще — об очевидной опасности либерального (лжелиберального) обустройства земного шара.

ВЕРТОЛЕТ НАД ВОРОНЕЖЕМ

Осень 1994 года. Погранслужба (Воронежская область после развала Советского Союза — приграничная) выделила вертолет для издающих альбом «Воронеж». Полет над Воронежем: фотохудожник Михаил Рогозин, председатель комитета по печати, поэт Иван Щелоков и я. Вертолет несколько раз облетел город. Сверху я видел город как бы тройным зрением — то есть видел город настоящий, но и прошлый и даже будущий. Будущий — подобен себе подобным?

Верней всего сказать о непостижимом: никакие полотна, стихи, песни, альбомы, фильмы, фестивали сокровенного в душе города не выразят.

ПРАЗДНИК СЛАВЯНСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ И КУЛЬТУРЫ

1995 года май — **Белгород** на Северском Донце, Дни славянской письменности. Размышления о славянстве (проницательно — Достоевский, Леонтьев и романтически несбыточно — Тютчев, Аксаков, Хомяков).

Губернатор Савченко в головном докладе, пронизанном мотивами моей статьи «Славянская песня», которая публиковалась и в регионе, и в столице, заканчивает для нас, воронежцев, неожиданно завершил выступление моими словами: «На исходе двадцатого века, в смутное и суетное время новых кордонов и шлагбаумов, спешно пытающихся размежевать, разделить самое душу народа, как необходимо в каждом из нас ощущение и чувство славянского единства, исторического родства, взаимности. Как бы искусно силы распада и раздора ни пытались нас размежевать, разделить, можно ли разделить сердце, какое взрастало, внимая чистым звукам русских, украинских народных песен, что подобно чистым ручьям впадают в реку мировой культуры?»

Снова — Прохоровское поле. Звонница. Церковь Петра и Павла в Прохоровке. Село **Красное—Алексеевка**. Красное — русскими заселенная часть, Алексеевка — малороссами. Речка Пенка. Музей Щепкина. Выстроен по театральному принципу (драпри, софиты, занавес), хотя именно Щепкин, талант великий, менее всего театрален, как то верно подметил один из его современников.

Заезд к Раевскому в **Хворостянку** и **Богословку**. В здешнем музее — сборник, открытый на странице с моим очерком о декабристах и первом из них — Раевском. Да, действительно, от небрежно написанного и годы спустя испытываешь неловкость.

Музеи, музеи. Ежегодно сколько их прибывает? Сколько убывает? Даже если обратиться к лучшим из них — не можешь избавиться от грустной мысли: временное. Временное утешение и местной, и мировой культуры.

ПРИГЛАШЕНИЕ ВОЗГЛАВИТЬ ЖУРНАЛ «ПОДЪЁМ»

1996 года июль. Приглашение на главное редакторство в журнал «Подъём». Правления обеих писательских организаций единодушно сошлись на мне как на будущем редакторе. И областной комитет культуры, и губернатор не стали возражать, чтобы я возглавил журнал.

Пришлось прервать санаторный отдых в **Икорце**, поскольку губернская власть не хотела, чтобы уже разболтанный журнал еще две-три недели оставался «без руля и без ветрил». Однако я выставил ряд жестких условий (организационных, кадровых, творческих), поначалу принятых на властном уровне, а когда я и мои заместители от двух организаций пришли в областной комитет по культуре за соответственными бумагами, председатель комитета Юрий Сергеевич Соловьев передал то ли просьбу, то ли приказ губернатора до поры до времени никаких организационных и кадровых резких движений не предпринимать. Это уже был другой разворот.

Развернулся и я, то есть отказался быть редактором, которого «направляют и подправляют»; и надо отдать должное моим заместителям Станиславу Никулину и Виктору Одинцову — они не стали дожидаться другого редактора и вместе со мной покинули огромный кабинет областного начальника культуры, то есть оставили свои перспективные посты.

В конце июля — поездка с Василием Михайловичем Песковым в места детства будущего лауреата Нобелевской премии Ивана Алексеевича Бунина — поездка, о которой мы договаривались еще по весне в Москве, в редакции «Комсомольской правды». С нами директор Центрально-Черноземного книжного издательства Анатолий Николаевич Свиридов, на издательской машине и совершаем сие грустно-радующее посещение подступных уголков, родственных детству и юности автора «Жизни Арсеньева», — Елец, Бутырки, Каменка, Васильевское, Воргол. О последнем (одноименной речке с вязью зеленых ветел по берегу, могучими скалами-плитняками и гранитными выступами) Василий Михайлович, перевидавший полсвета, сказал восхищенно, что никак не ожидал увидеть поблизости от своей малой родины столь сокровенный, неповторимый, впечатляющий уголок, и добавил: «От Воргола веет чем-то былинным».

РУКОПИСИ ГОРЯТ!

1996 года осень — в **Москве** встречи в Министерстве культуры, Министерстве национальностей, Союзе писателей России, а также в «Новом книжном обозрении», где меня попросили быть собкором по Черноземному краю. И всюду — книги, всюду — о книгах.

Снова с Садового Кольца свернул к дому № 10 на Большой Садовой, где в после-революционные годы жил Михаил Афанасьевич Булгаков. Двор — колодец, во дворе — фирма... «Воланд», подъезд, ведущий на верхний этаж, весь исписан — в духе выхваченного глазами: «Мы вместе, все в наших руках», «Почините мне примус», «Пир вам». И всюду — красным, синим, черным: «Рукописи не горят». За свою жизнь знаю: было столько сожжений великих библиотек, музеев, архивов, что подобное утверждение не просто наивное, но обезоруживающее. Сгорают в пламени лихолетних времен города и народы; и одно радует живущих, что солнце не каждый год выжигает хлебные поля, но каждый год, каждый час, каждый миг дает жизнь земному, озаряет своими лучами-светами прочитанную, читаемую и еще до конца не прочитанную Книгу человеческого бытия.

В ОБЛАСТНОМ ЛИТЕРАТУРНОМ МУЗЕЕ им. И.С. НИКИТИНА

Музеи — моя страсть с детства. После разорительной войны трудно было что-либо собрать в родном селе и окрестных, зато военного хлама после изгнания оккупационных дивизий оставалось в избытке, и под акацией в углу отчего подворья я — с отцовского неохотного разрешения — собрал массу небольших ящичков, гильз и патронов: германских, итальянских, венгерских, румынских. Можно сказать, это был крохотный музей оккупации.

Учась в семилетней школе, я в воображении своем создавал разные тематические музеи — всемирного сада, русского леса, даров Дона, птиц родного края... В ранней юности помогал учителю-историку в пополнении школьного краеведческого музея. Позже побывал в лучших музеях страны, встречался с известными музейщиками, музейное дело было для меня не за семью печатями.

В начале 1997 года директор Воронежского областного литературного музея имени И.С. Никитина, писатель и мой друг Евгений Григорьевич Новичихин, назначенный на должность председателя областного комитета культуры, предложил мне стать его преемником. Это предложение новый губернатор Иван Михайлович Шабанов, хорошо знавший меня, полностью одобрил.

Музейный комплекс включал в себя дом-музей И.С. Никитина, загородный музей-усадьбу Веневагиных и «Магистрат» («Мещанская управа»), где располагались фонды, кольцовская и бунинские экспозиции, а также директорский кабинет (*позже музейный комплекс дополняют филиалы: квартира-музей певицы Мордасовой, музей писателя Бунина*).

Ответственно было войти не посетителем, а руководителем в двухвековой давности здание трехэтажного «Магистрата», в котором век назад был открыт первый в Воронеже музей, в котором автор «Философии общего дела», великий отечественный философ-космист, не просто бывал, но готовил свои знаменитые экспозиции.

ДАРЕНИЯ «СТОЛИЧНЫХ ВОРОНЕЖЦЕВ»

Апрель, весенняя **Москва**, впервые — в Государственном литературном музее, доброжелательный разговор с сотрудницами музея о больших по части литературы, истории, духовной сферы воронежцах — Болховитинове, Кольцове, Никитине, Бунине, Платонове.

В тот же день встреча с дочерью Платонова. Давние хорошие взаимоотношения, *позже прерванные нелепо: директриса Центра духовного возрождения Черноземного края, моя восприемница, попросила подписать письмо об издании сборника произведений Платонова на безгонорарной основе; я, не подумав о возможных последствиях, зачем-то отметил на содержательно небрежно составленном письме; естественно, дочь писателя возмущилась*.

Земляческие встречи — Ситников, Гусев, Борзунов, Песков, Жигулин, Снесарева. Впервые в домашних гостях у Стукалина.

Долгая беседа с Евгенией Александровной Таратутой (у нее дома — на Ленинских горах?), давно известной мне по ее обращенности к притягательно прочитанному мною в детстве «Оводу» и автору романа Этель Лириан Войнич, с которой она встречалась. Вот разительная разница — Евгения Снесарева и Евгения Таратута. Две Евгении. Первая — зла не помнящая, готовая понять, простить, помочь; вторая — исходящая (судя по ее разговору со мной) непримиримостью ко многим и ко многому...

От московских воронежцев привез для Литературного музея книги, радуясь, передаю их в фонды, надеясь, что от земляческих дарений будет радость и дружим. Книжки — хорошие, в некоторых — воронежская тематика.

А что в музее? Годами было полусонно, и ничьей вины в том нет: годами реял дух внешне спокойной эпохи. А ныне требуется иное отношение к делу, в иных, более живых ритмах выход музея в общественное пространство (выставки, встречи с писателями, художниками, композиторами, студентами, школьниками и т.д.), на что и подвигаю музейных сотрудниц. Требуется достойно (не прибегая, разумеется, к отчаянному поступку героя «Краеведческого музея») противостоять навалу корыстных всякого ранга конъюнктурщиков, авангардистов, галеристов, флюгеров политических и художественных новаций, которые любой традиционный, разумно созданный музей — собор исторических событий и лиц — бойко бы превратили в смотровую площадку, плацдарм, салон, славящий только «своих».

(И разве не в этом направлении удался вскоре вымахнувший уральский музей — «Ельцин-центр», лишенный исторической, научной, сердечной правды, неумолимо зазывающий юных, чтобы подготовить из них электорат вне чувства и понимания исторической родины и страдного пути народа?!)

Три майских дня вместе с греками-литераторами. Ставрос Боснакидис и Георгис Веллас — поэты. Евгений Григорьевич Новичихин, мой друг, поэт, председатель областного комитета по культуре, уезжал в столицу и попросил меня взять хлопоты по приему гостей.

Хотя Веллас, сын антифашистов (его отец и мать, участники греческого сопротивления, ушли в горы, оттуда борясь с «черными полковниками»), и жил долгое время в Воронеже, но и ему, не говоря уже о Боснакидисе, интересна была наша поездка по наиболее жестоким и роковым точкам обороны Воронежа. Полевые и лесные окрестности Воронежа до восторга понравились им, уроженцам каменистых островов Эгейского моря. Побывали они и у меня в гостях, Элла приготовила отменный обед со всякой всячиной, гостям особенно понравилось ходовое, неприхотливое блюдо — борщ. Они дважды просили добавки и говорили, что ничего более вкусного прежде не ели.

На встрече греческих поэтов с воронежскими писателями сказал примерно следующее. Хороши греческие вина, вазы и открыточные виды, но наилучший подарок для нас — звучание греческой речи (Боснакидис и Веллас читали на современном и древнегреческом языках). Эллинистические звуки, греческие ритмы, греческая гармония — все, чем вдохновлялся Пушкин и о чем благодарно сказал. Два великих народа родственны поэтически, исторически, духовно. Возглавляемому мной Воронежскому областному литературному музею потребовалось более получаса, чтобы подготовить выставку книг отечественных писателей, в которых что ни страница — греческий миф, греческое имя, греческий образ. Вся пушкинской поры русская литература вдохновлялась античной Грецией. Более того, она всходила на веру, на православной вере, подаренной нам наследницей Греции — Византией. У наших с великими культурами народов — славное прошлое. Надемся — и славное будущее.

НА ВЫСОКОМ БЕРЕГЕ БИТЮГА

В селе Коршево я бывал не раз, но в таком сообществе впервые: писатели, мои друзья Евгений Новичихин и Виктор Чекиров, редактор «Берега» Вячеслав Иванов, поэт Егор Исаев. Последний, уроженец здешних мест, щедро отмеченный государственными знаками внимания (лауреат Ленинской премии, Герой Социалистического Труда), — почитаем земляками. Сохранилась изба, в которой он родился; по просьбе местной власти сфотографировались с ним у его крыльца. Далее группой осмотрели точки, связанные с Сувориным. Затем выпал свободный час, и я, как и в прежние приезды, вышел к высокому обрывному берегу Битюга, откуда открываются просторные виды, напоминавшие мне родные — донские: река, лес, синяя даль...

Село Коршево — Бобровского района, бывшего уезда, культурно благословенно: целая россыпь значительных фамилий, в разные годы и даже века здесь рождаются, — философ Карпов, ученый-натуралист Северцов, журналист, писатель, издатель Суворин, писатель-искусствовед Муратов, первый русский олимпийский чемпион (катание на коньках) Панин-Коломенкин...

Талантливость народа — многообразная и повсеместная. Разве Борисоглебск или Новохоперск, Острогожск или Россошь, Павловск или Богучар менее богаты дарованиями, нежели Бобров? В любом малом или большом селе, в любом малом или большом городе рождались и рождаются таланты, только не каждому земляку дано было пробиться сквозь заграды обстоятельств, не каждому обрадовалась судьба, не каждый в нужный миг оказался в нужном

месте, был бы (отдельными влиятельными фигурами, прессой, общественным мнением, государством) поддержан, как наши олауреаченные Исаев, Троепольский — и далее, и далее... «Чины и ордена людьми даются...» Не мог не вспомнить, может быть, не менее талантливых, но наградами не набалованных Кораблинова, Прасолова, Жигулина, Титаренко, Дубровина, Белокрылова, Евсеенко... Сколько их, живущих и уже ушедших — с недосказанным, а то и вовсе не сказанным, не совершенным? Поистине — *Suum quique!* Каждому — свое!

СКУЛЬПТУРНАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ ДИКУНОВЫХ

В старинной части города — просторная мастерская Дикундовых. Вся семья — талантливая. Наверное, не в последнюю очередь сказалось смешение кровей — славяно-русской и корейской: Иван Павлович Дикун — из села Петровка, что на реке Осередь близ Шипова леса, а Эльза Николаевна Пак — корейка из Средней Азии. Воедино связали они жизни и судьбы в городе на Неве, в Академии художеств, в мастерской большого скульптора Михаила Константиновича Аникушина. За далеко не завершенную творческую жизнь чета Дикундовых — вернее, семья Дикундовых (не только отец и мать, но и сыновья Максим, Алексей, дочь Наталья) — много внесла в художественную, скульптурную «энциклопедию» Воронежа и страны: памятники святителям Митрофану Воронежскому и Тихону Задонскому, Пушкину, Веневитинову, Платонову, поэту Кубаневу, пропагандисту русской песни Пятницкому, поэту и переводчику Маршаку, интенсивное скульптурное оформление Кукольного театра, скульптурные композиции погибшим воинам Отечественной войны в районных городках области...

(В мастерской Дикундовых бывал я не раз. Глаза разбегаются от искусства в его еще незавершенности. Десятки невоплощенных проектов — в гипсе: памятники Николаю Угоднику; основателю крепости Воронеж; кобзарю; выпускникам высших учебных заведений; геополитику, военному деятелю и ученому Андрею Евгеньевичу Снесареву; репрессированным; мирным атомщикам; герою шолоховского рассказа «Судьба человека»...)

ПОЕЗДКА В ЗАДОНСК С БРАТОМ ПЛАТОНОВА

Столетие Андрея Платонова. В гостях — младший брат писателя Сергей Платонович Климентов, он настаивает сразу: фамилия с ударением на последнем слове. Гостя сопровождают редактор железнодорожной газеты «Вперед» Иван Васильевич Костин, Элла и я. Поездка в Задонский уезд, откуда корни и Климентовых, и Лобачихиных — отповской и материнской фамилий. Побывали в главном — Богородицком — монастыре, в ограде его поклонились могиле Муравьева-Карского, страницы которого о Средней Азии были прочитаны Андреем Платоновым, испили воды из святого родника при женском монастыре. Переехали Дон, правясь в Ксизово и его окрестности, на родину Лобачихиных, но Сергей Платонович вдруг попросил вернуться обратно, словно побаиваясь не вынести встречи с родным гнездом матери. Он многоначитан, но брата читал меньше, чем других писателей-современников: не все нравилось. Между тем несколько раз в пути цитировал его строки из «Голубой глубины»: «Жизнь — далекая дорога, / Неустанный путник я, / И у неба голубого / Я любимое дитя».

ПЛАТОНОВСКАЯ ЭКСПОЗИЦИЯ — ПЕРВАЯ В СТРАНЕ

Платоновская экспозиция в Воронежском областном литературном музее — первая в стране — далась мне трудно: безденежье и равнодушие. Помогла Юго-Восточная железная дорога. В экспозиционный зал передал книги, подаренные и подписанные мне вдовой писателя Марией Александровной Платоновой, фотографии, а также за долгие годы собранные предреволюционно-революционных лет открытки, газетные и журнальные публикации.

ОТПУСК БЕЗ ОТПУСКА

Декабрь — недобродушный. Мой отпуск затягивается из-за болезни жестоко-простудной. Из поликлиники направился к магистрату — музейному зданию, — и стало нехорошо: несколько каштанов на площадке перед музейными фасадными окнами спилено, лежат вразброс, белея белыми срезами — как криком кричат. Правда, еще до отпуска я давал заявку на спил клена, рябины и каштана, угрожавших зданию и посетителям, мы с представительницей городского экологического комитета осматривали больные деревья. Решили заняться этим в начале следующего года. И вдруг — без письменного договора о спиле, без карты-схемы территории и подлежащих спилу каштана, клена и рябины коммунальщики зело борзо расправились не с тремя, а двукратно большим числом деревьев. Непривычно и тяжело было глядеть на оголенную площадку перед музейным фасадом. При небрежном спиле здоровый каштан, может, еще помнивший дни войны, был искалеченно потревожен падением другого. *(А я всю жизнь пытался разбить сад, семейный парк, сыздетства сажал и поливал хрупкие ростки, в газете часто выступал в защиту природы, леса, живого дерева. Грустно. Почему-то вспомнились надднепровские киевские каштаны моей юности.)*

А тут еще всевозможные ходатаи — владельцы дискотек, казино, ресторанов, ликеро-торговых пекарен — по всяковысоким протекциям давно уже и неутомиomo надоедают: передать в аренду подвальное помещение магистрата, дабы открыть там ночной бар, или табачный магазин, или же выращивать шампиньоны. Вот так — музей и казино!

В БЫЛОМ ЗЕМЛЯНСКОМ УЕЗДЕ

2000 года март. Поездка в **Землянск**, в имперские времена уездный городок на речке Землянка. Избылся уездный городок, почти иссохла и речка. Села Семидубравное, Новосильское, две Ведуги, две Покровки, Меловатка, Старая Ольшанка, Троицкое перешли в административное ведение сопредельного района.

Когда-то богатый уезд с селами и землями, где бывали Лермонтов, Лесков, Фет, Никитин, где родились создатель великого трагического вальса «На сопках Манчжурии» Илья Алексеевич Шатров, сказочница, выдумщица волшебных сказок Анна Куприяновна Барышникова (Куприяниха). Только русская сказка двадцатого века — не волшебная, не счастливо завершенная. Выступал я перед школьниками в Большой Покровке — хорошие дети, музей отменный, даже два их, а в музейных комнатах — металл войны. Советский и германский. Больше половины мужчин-воинов из Покровки с фронтовых дорог не вернулось. И так — едва ли не из каждого села.

Время — словно взятое в жесткий неразмыкаемый круг. Когда после трехлетней музейной страды я решил уходить на вольные хлеба, заместитель главы областной администрации по социальной и культурной политике Юрий Андреевич Савинков отговаривал: «Вас уважают и в городе, и в стране. Авторитет музея вырос». Но задерживаться я не стал: за три года, отданных Воронежскому областному литературному музею им. И.С. Никитина, было много такого, что и малой толики не оставляло времени ни для творчества, ни для нормальной семейной жизни. А три года — не три дня.

Уже начало могло бы насторожить: тридцать женщин, лишь трое мужчин — известная сложность; денег, кроме зарплаты, музею не выделяли ни копейки, а дел было невпроворот; здания требовали срочного ремонта: там протекала крыша, там множились грибки, там на фасадную стену накренились старые деревья...

И все же немало сделанного: собирательская, творческая, просветительская деятельность музея; в главном музейном здании располагались также Воронежская организация Союза писателей, журнал «Подъём», бюро пропаганды художественной литературы, так что вскоре под эгидой музея стали частыми встречи с известными писателями, художниками, общественными деятелями; благоустройство Новоживотинного — внутренние залы, партер, парк; с помощью областной Думы — новое обустройство Никитинского домика, давно необходимое, ускоренное прорванными трубами и батареями; создание платоновской постоянно действующей экспозиции, первой в России; поездки в разные области (Тульская, Белгородская, Курская, Орловская, Липецкая, Тамбовская...) и выступления-рассказы об этой деятельности, доброжелательная пресса; помощь районным и школьным музеям; ходатайства во властные инстанции об увековечении достойных имен, открытие новых мемориальных досок, именных библиотек.

САМАЯ МНОГОТИРАЖНАЯ ГАЗЕТА В МИРЕ

«Труд» — «Труд-Черноземье», куда в начале 2001 года был приглашен главным редактором. Чего хотело московское руководство газеты? Побольше развлекаловки, кроссворды и прочее. Что делал я? Прежде всего — историческое, культурное, информационное... Со мною Владимир Евгеньевич Петропавловский — много повидавший, многое знающий, сильный журналист, писатель альтернативного союза. Он разделяет мои убеждения, мою газетную политику, так что через полгода мы оба оставляем газету, пусть там развлекаловка процветает без нас.

МАЛЕНЬКИЕ КНИГИ О БОЛЬШИХ ПИСАТЕЛЯХ

С промежутком в несколько месяцев вышли две моих книги — совсем небольшие страницами: «Отчий край Ивана Бунина», «В стране Андрея Платонова».

(Книги небольшие, резонанс большой. О них пишут Москва, Орел, Тамбов, Санкт-Петербург, Задонск, Елец... Тысячным тиражом «Отчий край Ивана Бунина» быстро разошелся по всей стране. А трехчастный сборник «В стране Андрея Платонова» был доброжелательно встречен и внимательно прочитан и за рубежом. Философ и писатель Владимир Варавя в книге «Живущих и ушедших встретить. О творчестве и отчете крае писателя Виктора Будакова» дает штрих и имя: восприятие книги в скандинавской ученой среде.

Высказывания-оценки воронежцев в своей неожиданности воспринимаются мною как несколько землячески-завышенные, объяснимые прежде всего трогательными чувствами к самому автору «Ямской слободы».

«Казалось бы, уже столько написано про Платонова!.. Но так, как Виктора Будакова, еще не написал никто... Перед нами — книга, которая выстрадана годами, писана не в юбилейной спешке и от чистого сердца». П. Попов, журналист, историк-краевед (Воронеж) // Воронежский курьер, 2001, 4 сент.

«Книга о Платонове явилась для меня в некотором смысле открытием. Потому что не просто листает “страницы жизни и творчества” самого удивительного из русских писателей, но и знакомит с нигде прежде не печатавшейся мемуаристикой: имею в виду воспоминания близких о Платонове и самого Будакова о собственных встречах с этими близкими...» А. Владимирова (А. Жидких), журналистка, поэтесса, лит. критик (Воронеж) // Берег, 2001, 17 авг.

«...Новые книги Будакова “Отчий край Ивана Бунина” и “В стране Андрея Платонова”... заметно отличаются от работ многих, даже именитых критиков. Автор так же щедро пользуется научным аппаратом, он тоже не гнушается специальной терминологией, но все же то, что он выпустил в свет, академическими изданиями не назовешь. И слава Богу! Эссе Виктора Будакова (жанр обозначаю с весьма условным допуском) подкупают эмоциональностью, так и слышишь искренний голос автора, повествующего о судьбах своих героев... Причины и следствия трагедии обоих наших земляков Виктор Будаков раскрывает перед нами подробно и честно. Но, главное, страницы их жизни и творчества он рисует не сухими штрихами, а преподносит с картинной щедрой объективностью». Олег Шевченко, поэт, журналист (Воронеж) // Коммуна, 2001, 6 окт.

«Мое знакомство с известным писателем В.В. Будаковым... началось с его книги “В стране Андрея Платонова”. Рассказы, основанные на личных встречах с теми, кто знал автора “Котлована” и “Чевенгура”, и размышления о его творчестве, переплавившиеся в стихотворный цикл “Странник в полях Отчизны”. С карандашом в руках не раз “прошагала” я эту книгу вдоль и поперек...» Лариса Зимина, поэтесса, филолог, ведущая городского клуба «Поэтоград» (Воронеж) // Воронежская неделя, 2008, 13–19 февр.

Статью «“Современник вечности”»: осмысление платоновского времени и пространства в книге В.В. Будакова “В стране Андрея Платонова” (пособие по литературному краеведению “Слово, просвещение, память...”, Воронеж, 2020) Е.Е. Рогова кандидат филологических наук, доцент ВГПИ, начинает знаменательными словами: «Об Андрее Платонове написаны сотни книг, многие из которых прошли через мои руки и мое сознание и лишь некоторые из них — через мое сердце. Книга Виктора Будакова “В стране Андрея Платонова” — одна из тех, что оставляет в душе глубокий след. Несмотря на то, что изложенные в этой работе факты жизни и творчества нашего выдающегося земляка мне хорошо знакомы, небольшое по формату издание сумело меня удивить и покориť своей задушевностью, глубоким лиризмом, какой-то трогательной ностальгией по всему, что связано с платоновским прошлым».)

САМОРОДОК ИЗ ГЛУБИНКИ

Поездка в Новую Калитву. Из Воронежа также — председатель Воронежской областной Думы Алексей Наквасин, Евгений Новичихин, областное радиовещание. Обсуждение сборника стихотворений Василия Жилиева. Василий — годами старше меня — не просто мой земляк и товарищ. Он самородок: поэт, художник, певец, изобретатель, талантливый педагог. Но многие ли знают о нем? Коль всегда удастся надуть, раскрутить заурядность, так разве трудноисполнимо противоположное: не воздавать должное истинной талантливости?!

В моем домашнем архиве есть необычный билет-приглашение: «вручается Будакову Виктору Викторовичу и дает право ему и его семье на посещение Хреновского конного завода и всех его праздничных мероприятий на вечные времена в знак благодарности за подготовку и издание книги “Конь. Человек. Время”».

Моя любовь к коню проявилась еще с детства, я ее пронес через всю жизнь, душевно вполне солидарный со старинным изречением, согласно которому в мире есть недосыгаемые совершенные образцы, их три — женщина, птица и лошадь. И, конечно, я всегда стремился побывать в тех уголках, где выводились отечественные породы коня, где он служил человеку на великих полях сражений, полях мирной страды.

Много раз бывал я и воронежском Хреновом — селе с его всемирно известным конезаводом, хранительным уголком орловского рысака. Иногда приезжал сюда в свободный день — чтобы только поглядеть на орловских рысаков, на косяки молодых коней, на никогда не паханную густотравную степь и словно бы вернуться в какие-то глубинные, не знаемые мною времена.

В начале века двадцать первого пробыл в Хреновом около недели. Жил в гостинице конезавода, в просторном, по сельским меркам роскошном номере, приготовленном для отдыха именитых гостей: перед моим приездом здесь отдыхали шахматист Анатолий Карпов, художник Александр Шилов, артист Вячеслав Тихонов, певица Валентина Толкунова... У меня же объявился более широкий круг гостей славного села: в книгах отзывов я обнаружил (и впервые опубликовал) краткие, выразительные строки писателя Андрея Платонова, ученого Николая Вавилова, еще нескольких значительных фамилий. К тому же благодаря моей убежденности в том, что каждый человек — целый мир, я имел радость и в нынешнем селе встречаться с людьми интересными, значительными, кем бы они ни были: от главы администрации и директора конезавода до конюхов и пастухов, от сотрудников сельской культуры до сельчан, пребывающих в крестьянской страде.

Вскоре (частично в Центре духовного возрождения Черноземного края, в подарочном издании «Конь. Человек. Время», полностью — в журнале «Подъем») публикуется моя повесть «Подкова на счастье», в которой рассказывается не только о Хреновском конезаводе, но и о неотделимом от человека историческом пути коня на протяжении тысячелетий.

Заканчивается повесть так:

«Сойдешь с асфальтовой дороги, сойдешь в травяной мир. Горчит полынь, перebarывая бензиновый запах. В лесопосадке — словно бы нечаянно — конь. Откуда он здесь?»

Подойти, как в детстве, посмотреть в огромные глаза.

— Кось! Кось!

Но конь, переступив передними копытами, вдруг уходит, убыстряя шаг.

Вернись, вороной!

Уходит, оставляя тихое ржанье.

Вернитесь, вороные, гнедые, серые и белые, буланые и чубарые...

Или не от человека, но от человечества уходят они?..

Кони, куда вы?

Колесница Истории, за века набрав невысказанную скорость, мчится через мгновенное настоящее в бесконечное будущее, но прошлое с конями на триумфальных арках земного шара, с памятью и надеждами неотступно следует за нею, словно понимая, что без него никакое будущее не состоится.

Люди, куда мы?»

ВНУКИ ГЕНЕРАЛА СНЕСАРЕВА НА ЕГО РОДИНЕ

Три раннемайских дня — в гостях внуки генерала Снесарева Аня и Андрей. Воронежские встречи в Доме офицеров, в библиотеке имени А.Е. Снесарева, в литературном и краеведческом музеях. Далее — Острогожск, Россось, Криничное, Калитвы — Новая и Старая. Выступление перед учителями и учащимися Старой Калитвы. Солнечный день. Цветущие сады. Побывали и на буграх меж Старой Калитвой и Нижним Карабутом — где хазарское городище и откуда широко открывается Задонье с его лесами, полями и селами.

(Андрей, носящий имя великого деда, — физик, как и его отец. Долгие годы в Швейцарии он будет спускаться в многокилометровый подземный коллаيدر, контролируя ровное «дыхание» счетчиков; там, на подземных глубинах трех государств, — наинovelшие достижения науки и техники, там искусственный свет, там ищется... «частица Бога». Частица Бога? Разве Бог не есть нечто извечно цельное, неделимое, первоприродное и надприродное? Разумеется, здесь вопрос-возражение не по самой сути, а по метафоре-определению, операционно, может, и удобному, но едва ли корректному в области духовного сознания человечества.)

Когда мы стояли на древнем городище и нам через манящую овидь приоткрывался уходящий в бесконечность мир, исторически принадлежавший разным племенам и народам, но навечно преосусловленный Творцом и ему навечно принадлежащий, когда мы пытались вобрать в свои глаза и сердца этот необозримый, таящий бесконечность мир с излуками геологически древнейшего Дона, полями, холмами и лесами, с видимыми, еще живоголосыми селами и деревнями, с истаявающим в каких пространственных и временных далях Задоньем, едва ли кто из нас думал о триумфе науки и техники, способных вычленить физическую «частицу Бога» и через физическое как бы отодвинуть духовное.

Трудно было испытывать что-либо иное, кроме чувства благодарности Творцу и восторга от его Творения, частицей которого являлся и причерный клин моей малой родины.)

КРУГ ЖИЗНИ И СМЕРТИ

2004 года двадцать девятого июля — третьего августа — **Москва**. Смерть в больнице уже подкошенного сердечными болями и болезнями Бориса Ивановича Стукалина. Пришли попрощаться Воротников, Песков, Десятерик, Исаев, Ганичев, Сухарев, Юркин... Мои прощальные слова в мемориальном зале и на поминках — мое обещание от имени воронежцев продлить память о Борисе Ивановиче в скором времени его именем названной библиотекой, конференциями по его творческой, журналистской, издательской деятельности, по его достойной, честной жизни.

ВСЕМИРНЫЙ РУССКИЙ СОБОР

2006 года четвертого апреля. **Москва**, Всемирный Русский собор в храме Христа Спасителя, в зале церковных соборов. Духовная музыка и гимн России. Зачитывается приветствие главы государства, выступают высокие официальные лица — первые заместители председателей Государственной Думы и Совета Федерации, министр иностранных дел, министр культуры, председатель счетной палаты, генеральный прокурор, главный раввин, муфтий, писатели. Серьезное, тревожное головное выступление патриарха Кирилла. Много разумного и у дру-

гих выступающих. Этническое и конфессиональное многообразие России — ее уникальность, благо и крепь. Но... Угроза языческого ренессанса. Опасное для молодых, широко распространяемое утверждение: Россия — побежденная страна. Судьба труда и человека перед натиском игрового варианта мира и жизни. Поправки земли и уничтожение села через упразднение школ, больниц, библиотек. Человеческие права — инструмент раскрепощения греховного. «После падения коммунистически-атеистической идеологии русский народ открыт всем ветрам... Потянулись к Западу, а попали в западню... Трехвековой трагический и должный быть востребованным опыт старообрядцев, коих до революции было пятнадцать миллионов строго верующих, — здоровый консерватизм, любовь к родному, память о старине, трудовая этика, сохраненная рукопись» (Корнилий, митрополит Старообрядский). «Украина преподает нам урок, раны кровоточат. Двадцать три тысячи общин — от конфессий до деструктивных сект. Самая большая община — православная, но ее атакуют и власти, и массовые информационные перья, и экраны» (Владыка Августин, архиепископ Львовский).

На следующий день — в гостях у Игоря Ростиславовича Шафаревича. Сильное впечатление от его неторопливого слова, мысли, благородного стиля беседы. Впервые не торопясь — о многом. От деятелей политических до имен литературных. Точное не по слову, но по сущности. Жутковатое видение: Ленин и Троцкий в ночь переворота и взятия Зимнего, лежа в Смольном на овчине, бок о бок, расчерчивают будущее измученной России. Булгаков? Он больше того, что написал. Но у него была тетрадь с поделенными листами — о Боге и о Сатане. В этом есть что-то безнадежно-трагическое, да и некая «дьяволиада» дышит. Есенин — последний ли поэт деревни, гениальный, но в предсмертные его годы грехи шли за ним по пятам, неотступно, разве можно так: «Христа выплевываю изо рта»? Россия в революцию была охвачена не крестьянскими мятежами, а настоящей крестьянской войной. (Тут я рассказал Игорю Ростиславовичу о колесниковском восстании на моей малой родине, о великой трагедии донского казачества и крестьянства, а кликушествующим в неприятии крестьянством революционной анархо-свободы почуялся «дух вандейского навоза». Каждому — свое. «Да, этот из породы злобных литкомиссаров», — согласился Игорь Ростиславович, словно прочитал когда-то сказанное мною.) Еще рассказал о том, как наиболее ответственные из Академии наук пытались забаллотировать Яковлева, никакого не ученого, бывшего члена Политбюро. Шафаревич в письме просил поддержки у Арцимовича. Но не сложилось. С помощью верховной власти Яковлев пролез-таки в академики.

ЖУРНАЛ «СЛАВЯНСКАЯ ДУША»

Тоже — вежа жизни. Сначала меня попросили дать что-либо для журнала, и я написал нечто вроде статьи-эссе об актрисе Татьяне Окуневской и маршале Иосипе Броз Тито, затем познакомился с главным редактором, поэтом и общественным деятелем Любомиром Милановичем Радиновичем, мы нашли много общего друг у друга во взглядах на историческое (трагическое) движение раздробленного славянского мира, да и всепланетного мира, подружился. С третьего номера журнала (2005) я стал заместителем главного редактора по внешним связям, чуть позже также и председателем редакционного совета. Интересные рубрики, темы, авторы. Но — все мы в тисках буржуазного диктата, невидимой руки рынка, порождающего весьма видимые кризисы. Все же полтора десятка журнальных выпусков осуществить удалось.

Встреча с черногорским поэтом Йоле Станишичем, его рассказ о своей жизни, полной тяжелейших испытаний. Одно пребывание на Голом Острове (Голи Оток), куда он был брошен как не принявший режим Тито, — жестокое испытание раскаленным солнцем и раскаленным камнем; его мытарства, побег из родной враждебной страны, переплыв Дуная, жизнь в Советском Союзе на его избытке, горечь и боль от перестройки и постперестройки, мелкими и внесердечными фигурами затеянной и потому так криво сработанной.

Долго с ним бродили по Москве близ университета, беседовали в ближних парках и скверах, он, безусловно, и человек, и поэт выдающийся. В перестройках и постперестройках выдающий только дурные начала, зато в странно погибшем Советском Союзе продолжающий видеть, может, единственное на все времена устремление — создать великое здание справедливости и человеческого братства на земле.

Любопытный штрих — его дружба с Назымом Хикметом. Вот так: исторические противостоятели, турок и черногорец, — друзья. Оба не раз выступали за Советский Союз, а я вспомнил почему-то забавное: совместное выступление Маяковского и Хикмета. Волнуется Хикмет, а Маяковский ему — дескать, что волнуешься, товарищ турок? Никто же не поймет, какого достоинства стихи: аудитория не знает турецкого. Еще вспомнил весьма трогательно-шутливые или всерьез написанные строки Назыма Хикмета: «На голую Еву, сто раз воспетую, не сменю я ни за что жену мою одетую».

«И ВСЮДУ СТРАСТИ РОКОВЫЕ?..»

Летняя, июльская **Москва**. Встречи, общение с людьми известными, беседы доброжелательные, но обычно все это на час. Несет поток времени, уносит наши обещания писем, встреч, совместных деяний.

«И всюду страсти роковые, и от судеб защиты нет». Пушкин, всегда неповторимый и неоспоримый Пушкин. Разве что страсти — всегда ли роковые? Наверное, так. Низкие, высокие, тяжелые так или иначе оказываются-взрываются роковыми.

Марина Стукалина рассказала о хорошем ее знакомом — иконописце, жившем просто и строго, и о его сыне, истово помогавшем отцу при написании икон, но снедаемом тяжелой страстью — недугом наркомании; в один недобрый час он поднял на отца не руку, а топор — и никакой не дамоклов меч, а обыкновенный, хозяйственный топор обрушился на отца.

Да все одно — что в Москве, что в уездном городке, что в деревне.

Какой уездный городок ни окинь — видишь часто разрушенный войной или атеистами собор, безкупольные окраинные церковки. А что за штaketинами палисадников, что в частных домах? Нередко — разрушенные семьи, поломанные судьбы, неприязнь и злоба как хмурые домашние кошки выглядывают из темно-го угла.

В деревне — утраченные соборность, чувство добрососедства? Потеряны и сами деревни, тысячами и тысячами нисшедшие с полевых логов, приречных берегов, прилесных холмов, изъятые с карты земли.

И в любой стране, в любом уголке обоих земных полушарий — тцета человеческого доброустройства, потому что не это требуется правящим мировым вершущкам.

Мне часто вспоминается прочитанная в молодости книга, наверное, испанского писателя, где весьма зримо изображена жизнь крестьянина, приморская по-

лоска земли которого и все подворье раз за разом прибойными волнами ранятся, размываются. И он снова и снова восстанавливает свой маленький мир. Сизифов труд?

Но дети, слава Богу, рождаются, вырастают во взрослых и все-таки что-то доброе, украшающее наше краткое земное существование приносят в мир.

ДЕНЬ ТИХВИНСКОЙ ИКОНЫ БОЖИЕЙ МАТЕРИ

Девятого июля — день многоиспытанной Тихвинской иконы Божией Матери, рисованной самим апостолом Лукой, осенявшей даже заокеанские земли. И тяжелое известие: Иркутск, авиационная катастрофа — уже на земле ударяется о ближние строения и стремительным пламенем охватывается прилетевший из Москвы самолет, погибают все летевшие; среди погибших и Мария — дочь Валентина Григорьевича Распутина. Боже, дай ему и Светлане Ивановне, жене его, вынести все это!

ВСТРЕЧА В РОДНОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

На этот раз мое слово — перед почтенным собранием Ученого совета педагогического университета. В большом зале — выставка авторских книг. Зрелище внушительное, значительное уже по названиям, о чем и не преминули сказать члены Совета. В этот день (31 августа 2006 года) мне единогласно присвоено звание «Почетный профессор Воронежского государственного педагогического университета».

И пронеслась перед глазами моя студенческая пятилетняя жизнь в стенах педагогического. И так захотелось вернуться в ту невозвратимую жизнь, где не было ни моих книг, ни моего профессорства, а была сильная молодость, озаренная прекрасными девичьими глазами и приобретаемыми знаниями, и была уверенность, что мир откроется своими лучшими идеями, событиями, свершениями.

Долгий (и уже не первый) разговор с ректором университета Вячеславом Витальевичем Подколзиним — на мой взгляд, и человеком, и педагогом выдающимся. Удержат университет на плаву в гиблые годы конца века — такое было под силу именно ему: сколь органично в нем сочетаются педагогический талант, административный дар, человеческие качества — доброжелательность, чуткость, отзывчивость; да и его юмор, мягкий, некричащий, немало значит в университетском микроклимате.

БЕСЕДА С МИТРОПОЛИТОМ ВОРОНЕЖСКИМ И БОРИСОГЛЕБСКИМ

С митрополитом Воронежским и Борисоглебским Сергием назначенная встреча состоялась семнадцатого ноября 2006 года в его резиденции и вылилась в затяжную душевную и доброжелательную беседу понимающих друг друга с полуслова. Я не раз встречался и с прежним воронежским митрополитом Мефодием — более резким и «светским». Он был одним из претендентов на патриаршее кресло, но патриархом избрали Кирилла, а Мефодия отправили окормлять православную паству в Казахстане. Разговор об историческом пути Воронежской епархии, о Тихоне Задонском, о славянском мире, об издании духовной библиотечки религиозных мыслителей и писателей, корнями или духовным служением связанных с Черноземным краем России, о памятнике Болховитинову. При издании «Духовной библиотеки Черноземного края» широкие, глубокие горизонты открылись бы и для верующих, и для неверующих.

В домике Тюриных — сестер народного поэта России Ивана Саввича Никитина, — ныне филиале Воронежского областного литературного музея, еще несколькими годами назад мной возглавляемого, прошло представление книги «Подвижники русского слова» (ходовое словцо «презентация» никак не может втиснуться в мой обиходный словарь). Это сборник эссе об отечественных писателях и их пенатах как духовном, культурном достоянии Отечества да и всего мира. Народу много: писатели, ученые, журналисты, редакторы, представители местного культурного сообщества (Александра Жигульская, Евгений Белозерцев, Евгений Новичихин, Аркадий Минаков, Иван Евсеенко, Раиса Андреева-Прасолова, Людмила Попова, Анна Жидких, Вера Новохатская, Павел Попов, Валентин Сергеев...)

Аркадий Минаков, Иван Евсеенко, Евгений Новичихин говорили об особенностях пути, избранного автором книги, о необходимости вести спецкурс по родиноведчески-просветительской теме, им разработанной. После долгих рассуждений о книге к плеяде подвижников причислили и меня. А носитель новой для Воронежа, хотя и раньше слышанной мной фамилии — Белозерцев, прежде ливенский, московский, елецкий, — вскоре откликнулся статьей...

Тут посылаешь мысленные слова благодарности также несомненным подвижникам отечественной культуры — учителям, районным журналистам, библиотекарям, с которыми встречался у заброшенных усадеб, разрушенных храмов, забытых родников, задичалых парков и которые по крупицам восстанавливают историческое, культурное бытие своих малых родин. Им, родиноведам без большой и даже малой известности, великое спасибо!

В ДЕРЕЗОВКЕ — НА РОДИНЕ ПИСАТЕЛЯ

2008 года — тридцатого января — поездка из Воронежа в **Дerezовку**: семьдесят лет Белокрылову. По дороге сломалась машина. Постоял с попучиками-друзьями Новичихиным, Жихаревым на холоде-морозе, и у меня — почти мгновенная простудная болезнь. Но на родине писателя выступил, и хорошо принимали дерезовцы. Встретились бывшие соклассники — постаревшие, не покинувшие родное село, живущие трудной, естественной человеческой жизнью. И снова почувствовал, как, словно вода сквозь пальцы, утекает жизнь.

КРУПИН, РАСПУТИН, ШАФАРЕВИЧ

Москва двадцать пятого — двадцать восьмого мая. Первые день и ночь — у Ани Снесаревой (Комиссаровой), просматривали снимки, письма, книги из домашнего архива; моя рукопись о Снесареве близится к завершению.

Встреча с Володей Крупиным и его женой Надей у них дома в Камергерском переулке, близ Кремля. После нашей встречи в журнале «Москва», где он недолгое время был главным редактором и просил меня дать что-либо воронежское для журнала, чего я по своей несобранности так и не сделал, да короткой встречи на писательском съезде — это первая наша продолжительная многочасовая беседа и о жизни, и о литературе, и о современных писателях и историках, одних из которых — Распутина, Шафаревича, Белова — он высоко ценит, к другим относится сдержанно, чтоб не сказать резко.

В тот же день — встреча с Валентином Григорьевичем Распутиным. Его дом в том же небольшом квадрате (переулок Старо-Конюшенный, Сивцев Вражек, Большой Афанасьевский переулок, Старый Арбат), что и дом Стукалиных. Меж многоэтажными домами на детской площадке до войны стоял домик, в котором жила

Матрона Чудотворная. Когда-то в Венгрии в трудный час, полный проливного дождя, Распутин, не доставший билета на московский авиарейс, решил съездить в советское посольство Борису Ивановичу Стукалину-послу, тот немедленно приехал за ним в аэропорт, и в посольском доме был принят Борисом Ивановичем и его женой Ольгой Яковлевной с радушием и добросердечием. (В доме у Стукалиных, где я давно уже останавливаюсь, мне попадалась на глаза книга Распутина с трогательной благодарственной надписью о том семейном радушии). Рабочая комната Распутина — незагроможденно проста: стол, книжные полки, диван, кресло, шкаф с книгами для дарений; мне он подписал «Боль души» и «На родине». Несколько раз повторил: «Хорошие у вас последние книги». У него на подоконнике возле рабочего стола — мои книги «Времена и дороги» и «Подвижники русского слова». Состояние его грустное, объяснимое тяжелой утратой — гибелью дочери Маши (Марии) на его глазах — и, разумеется, всем подменным и постыдным, что случилось на родине...

Пили чай, и снова — о России, столице и провинции. Долго прогуливался по Сивцеву Вражку. Прощаясь, Валентин Григорьевич посетовал, что мы, зная друг о друге, поздно по-настоящему почувствовали друг друга; просил по приезде в Москву не забывать его дома.

На другой день — в гостях у Игоря Ростиславовича Шафаревича. Ум по-прежнему сильный и ясный, но здоровье уходит, это чувствуется даже по замедленно-неровной речи. Поблагодарил меня за книжечку «В стране Андрея Платонова», по его мнению, «емкую и значительную». Особо поблагодарил за строки о крестьянстве: Игоря Ростиславовича глубоко волнует трагическая судьба русского и мирового крестьянства.

Проговорили часа три, если не больше — об уходящей судьбе уходящей России. О близящейся катастрофе мира человеческого. И что этот глобальный мировой проект?

АДРЕС: МОСКВА, КОМСОМОЛЬСКИЙ ПРОСПЕКТ, 13

Здесь, в старинном трехэтажном особняке, где и в советские времена, и ныне располагается Союз писателей России (он мог здесь уже и не быть, если бы в девяносто третьем через «леса»-баррикады не отстоял свой дом от захвата новобуржуазной властью). Меня давно и радушно встречают как человека и писателя серьезного, отмеченного всероссийскими литературными премиями имени Ф.И. Тютчева «Русский путь», И.А. Бунина, А.Т. Твардовского. Встречи, встречи... это, оказывается, так естественно и просто — встречи с носителями известных фамилий и доброжелательное и взаимопонимающее общение; есть и тяготеющие к литературному патриотическому миру «младые», мне неизвестные: в летнем кафе возле писательского особняка главный редактор «Русского писателя» Николай Дорошенко представил мне молодого и, как он сказал, подающего большие надежды в литературном, патриотическом смысле Сергея Шаргунова; последний производит впечатление воспитанного, спокойного, способного юноши, и я не мог не подумать, как много ему и его друзьям-сверстникам предстоит прочувствовать, увидеть, пережить, сделать своего, неповторимого в будущем мире, который изменится неузнаваемо.

Хорошие беседы с Марьяной Васильевной Зубавиной, Геннадием Викторовичем Ивановым, более беглые — с председателем Союза писателей России Валерием Николаевичем Ганичевым, на этот раз подарившем мне свою книжечку о державнице Екатерине Великой с соответственной — державной — надписью. Союз ужимается, у него отнят верхний этаж.

2009 года двенадцатого — пятнадцатого января. Поездка в **Москву**, встреча с Шафаревичем, Распутиным. В «Молодой гвардии» — в ЖЗЛ — запоздание рукописи об Андрее Евгеньевиче Снесареве. Жанр, который можно было бы определить как лирико-исторический комментарий к эпистолярно-дневниковому наследию великого геополитика, как документально-художественное повествование, в котором на фоне трагической судьбы человека видится трагическая судьба народа, родины и государства; и при всей трагичности судьбы — дух Божественного, Промыслительного.

После мирового кризиса выход книги под вопросом, как сказал генеральный директор издательства, еще несколько лет назад с радостью подписавший со мною договор, далее беспрепятственно пролонгированный, но по моим внешним и внутренним обстоятельствам мною не исполненный.

(Зато вскоре в Москве выйдет «Родина и Вселенная» — сборник моей лирической публицистики и стихотворений с предисловием Валентина Распутина «Сторожевые посты Виктора Будакова».)

ТЕЛЕФОННЫЙ РАЗГОВОР

Не люблю телефонные разговоры, тем более затяжные. Этот — редчайшее исключение. Пятнадцатого марта позвонил Валентину Григорьевичу Распутину — в день его рождения. Думал коротко поздравить, не занимая его времени, но разговорились. Он уже прочитал главы посланной ему рукописи «Родина и Вселенная», сказал, что это по-настоящему значительное и что есть страницы прекрасные. И далее: «Я бы, будь моложе, написал бы о вас с былым пламенем сердца, этого ваше творчество заслуживает. А теперь, по нездоровью, мне трудно даются даже несколько строк. А вы — вы писатель в мире не случайный...»

Я вернулся к мысли, ему дважды или трижды высказанной, — составить антологический его сборник, куда бы вошли и проза, и публицистика, чтобы продолжилась традиция «Выбранных мест из переписки с друзьями» Гоголя, «Дневника» Достоевского. На что Валентин Григорьевич грустно заметил, что он уже больше ничего не напишет, что влилось бы в подобный сборник. «Да все есть, уже есть, надо только продумать составление и строй будущей антологической книги», — убеждал его.

И снова Распутин стал ссылаться на нездоровье и вдобавок засомневался, есть ли вообще необходимость в такой книге. Больно, что столь глубокий, честный человек — России сокровенное сердце — так много (особенно — недавно) пережил, что даже главное его дело видится ему или недоступным, или необязательным.

В ГОСТЯХ — ВИКТОР ЛИХОНОСОВ

Без громкой суеты, без особого рода подпорок и круга надувающих, тихо, достойно вошедший в большую литературу Виктор Иванович Лихоносков, писатель лирико-поэтического, бунинского начала, лауреат Государственной премии имени А.М. Горького, лауреат Международной премии «Ясная Поляна» имени Л. Толстого, Международной премии имени М. Шолохова, материнскими корнями — воронежский, не раз бывавший на воронежской земле, и в этот день — семнадцатого сентября — заехал в Воронеж. Попросив встретить его, он несколько раз звонил мне из Краснодара, Вешенской, Ясной Поляны — наконец из Бутурлиновки, как бы обозначая телефонными звонками свое путешествие-приближение к Воронежу.

Запоздавший транспорт остановился у областной библиотеки, где я встретил писателя и по нашей телефонной договоренности провел в областной литературный музей. Виктор Иванович внимательно и долго пробыл у витрин и стендов, посвященных Бунину (это понятно: Бунин — из самых для него дорогих). Взяв билет на Краснодар, приехали ко мне домой на Московский проспект. После обеда и короткого сна-отдыха осматривали редкости моей библиотеки и надолго, родственно-душевно, единовзглядно разговорились — о последних месяцах империи, об антинародных Феврале и Октябре, о Белом движении, о литературе двадцатого века и натиске современной околотературы, о масскультуре, давящей как тяжелый смог. Рассказал ему о еще одном великом воронежце — геополитике, военном деятеле, ученом Андрее Евгеньевиче Снесареве, а он — о своей встрече в юности с Шолоховым в Вешенской, о Твардовском, который в «Новом мире» опубликовал его рассказ «Брянские», положивший начало всесоюзной известности молодого писателя из провинции.

К вечеру младший сын Олег отвез нас на железнодорожный вокзал воронежской Придачи, а скоро и прибыл поезд.

Позже Лихоносов писал: «Когда проезжаю воронежские места моей матушки (Россошь, Лиски, да и сам Воронеж), непременно вспомню Виктора Будакова, прославляющего свой черноземный край стихами, этюдами, лирическими путеводными очерками... Сейчас все пишут кто во что горазд, все в прозе и в стихах крестятся и молятся. А Виктор Будаков припадал к старозаветным источникам еще в пору, нежеланную для проявления православных сочувствий. Я благодарен ему не только за воронежские мотивы. Давно-давно прочитал я в “Подъеме” о местах бунинских: о Каменке, Озерках. И перед поздней поездкой в родовые гнезда Бунина заглянул опять в будаковские записи. И в эту минуту привета я взмахиваю ему рукой не из Краснодара, а как раз из тех любимых русских уголков, которые он много раз обошел, объездил и расписал своим пером, — из Огневки, Каменки и Озерок, от колодезей Ольховатки, из реликтового Ельца и... с лугов и тропинок матушкиного Россошанского уезда...»

ПЕТР ДЕНИСОВИЧ ПОНОМАРЕВ И БИБЛИОТЕКА-МУЗЕЙ ЕГО ИМЕНИ

Познакомились с ним почти полвека назад вскоре после того, как я стал сотрудником «Молодого коммунара». Его мастерская располагалась на Пушкинской, на третьем этаже, и вся она была словно бы музей народного творчества: народные костюмы, платки, детские игрушки, матрешки, деревянные половники, пасхальные яйца, глиняные кувшины, кружки, свистки... С нескрываемыми любовью и обожанием он стал рассказывать о народном творчестве былой Воронежской губернии, вдруг остановился, улыбнулся излучавшими добро глазами и сказал: «Я могу об этом — часами, да коммунаровцы — торопливый народ, я уже знаю». Проговорили мы, однако, долго — до позднего вечера.

Помнится, написал я тогда небольшую зарисовку, надеясь взяться за серьезный материал о народном творчестве, о его подвижниках. Но желание отодвигалось иными заботами, часто и не существенными. Правда, изредка заглядывал в мастерскую художника, а позже, в девяностые, когда на городской комиссии по культурному наследию зашла речь о присвоении званий Почетных граждан воронежцам, я «пламенно» обосновал моральное право присвоить таковое звание Петру Денисовичу Пономареву.

Помимо практической, творческой, преподавательской работы он неустанно занимался собиранием заметок, статей, газетных и журнальных публикаций о заметных именах воронежской и отечественной культуры. К моему удивлению, и

я оказался «героем» его собирательского фонда. Он писал: «За полвека я собрал архив — более чем 50 томов, которые передаю в дар городу Воронежу. В архиве — материалы об истории и развитии русской национальной культуры. Есть народное художественное творчество всех жанров, есть и произведения профессиональных мастеров — художников, композиторов, поэтов, писателей, в том числе стихи и проза нашего замечательного писателя Виктора Викторовича Будакова... В его глубоко самобытном, реалистическом творчестве — судьба родного края, судьба страны... Его поэтические сборники о Воронеже, Доне, славянском мире — своеобразные художественные энциклопедии, лирико-философские путеводители по Воронежу, Дону, отчему краю».

Вскоре после кончины художника по ходатайству заведующей библиотеки № 24 Галины Константиновны Устиновой, поддержанному городской общественностью, библиотека на Московском проспекте обрела именной статус: «Библиотека-музей имени П.Д. Пономарева».

В ней разместилась постоянно действующая выставка изделий народного творчества, переданная в дар родными художника. Поскольку славянская тема единит меня с художником, в библиотеке организована и экспозиция по моему жизненному и творческому пути «Я счастлив, что славянским словом / Раздольно-песенным крещен». Нечасто, но чаще, чем в других библиотеках и городах, и страны удается бывать в этом неповторимом культурном уголке Воронежа.

И с горечью чувствуешь и понимаешь: все меньше библиотек на родной земле, и скоро, наверно, сойдут они, как сошли те же вынужденно покинутые людьми деревни, разве что останется от них (да и останется ли?) странный «ностальгический» пепел.

ВДРУГ ВСПОМНИЛАСЬ РЕДКОЛЛЕГИЯ «ОТЧЕГО КРАЯ»

Пока еще есть библиотеки — государственные и частные. Пока еще хранятся в них и книги воронежского «Отчего края», особенно — Боратынский, Фет, Лесков, Бунин, Замятин, Платонов. Пока еще их читают.

Недавно мне ярко, как если бы это произошло вчера, вспомнилось одно из заседаний редколлегии «Отчего края». Присутствовали литераторы, объединяющее слово для которых — «интересный». Владимир Александрович Кораблинов, Анатолий Михайлович Абрамов, Юрий Данилович Гончаров, Гавриил Николаевич Троепольский, Александра Федоровна Жигульская, Владимир Григорьевич Гордейчев, гости из Курска, Белгорода, Липецка, Тамбова. Каждого из присутствовавших я хорошо знал. Деловые вопросы порешались быстро, далее разговор о значении «Отчего края» в культурной жизни незаметно перекинулся на персоналии, дескать, кто значительнее: Боратынский или Фет? Бунин, Замятин или Платонов? Эдакое неожиданное занятие: обычно это студенты составляют «табель о рангах», восходящий по значимости список больших имен. Я перевел разговор на другое: есть писатели так называемого второго-третьего ряда (Левитов, Эртель, Недетовский) — и хорошо, что им нашлось место в «Отчем крае». Все согласилось. «А вот памятника никому из них и поныне нет», — заметил Гончаров. «Будут. Будут также и сидящим здесь», — как бы возразил Абрамов. Взоры некоторых присутствующих обратились на Кораблинова и Троепольского. Владимир Александрович, словно бы остужая добрые или не совсем добрые надежды на «бронзовое увековечение», глуховатым голосом произнес: «Я за свою жизнь несколько раз видел, как памятники сбрасывали с пьедестала, а гипсовые бюсты крошили на черепки». Что-то, видно, хотел сказать Троепольский, но промолчал. Что останется от их книг? Найдется ли на них свой «Отчий край»? Через столе-

тие, даже намного раньше завершится жизнь каждого из присутствовавших на встрече — неповторимой и подобной миллионам подобных. Что останется от их эпохи, от их надежд, тревог, заблуждений, потребуются ли будущему хотя бы в малом числе их строки?!

И в поздний час — мозаика воспоминаний... Встречи с Ильей Глазуновым, художником, стоятелем за православные и монархические начала; Александром Шахматовым, хорошим певцом, потомком и осколком первой эмигрантской волны, живущим за границей, но по духу весьма русским; Андреем Кураевым, православным дьяконом, писателем-полюемистом... Думал о недавно прочитанных книгах Льва Гумилева, Александра Панарина и еще о многом. События великие, подчас планетарные, люди умные, подчас гениальные, но где та великая духовная соборность человечества, которая бы духовно преобразила мир? Видно, без Воли и Благодати Божией человечество — что бескрылая птица; а если без метафор и сравнений — близко к пропасти.

ТРАДИЦИОННАЯ ЗАПИСЬ И КОМПЬЮТЕРНАЯ НОВИЗНА

К концу лета — удручающая потеря трудного текста будущей книги «Геополитик Снесарев: на полях войны и мира». Полтора месяца писал и редактировал одну из самых значительных многостраничных глав — «Острогжск. Царицын. Смоленск». И компьютер (несомненно, великое изобретение человеческого ума и великий житейски-бытовой помощник человечеству), словно чувствуя некое мое к нему предубеждение как соглядатаю работы моих сердца и мозга, напрочь смел все набранное и отредактированное: скорей всего, не без помощи каких-то моих неверных нажатий клавиатуры и мышки. Причем «съедание» текста случалось уже несколько раз, были потеряны сотни две страниц, а когда я пытался их восстановить по памяти, что доводило до предельного мозгового напряжения, и истощения, и даже — до сердечного приступа, восстановленное все равно выглядело каким-то жалким подобием прежде написанного и утраченного. (Распутин, не имеющий ни телевизора, ни компьютера, советует и мне отказаться от электронного наркотика; и все бы так, да Воронеж — не Москва, в которой и без новейших электронных технологий всегда можно получить достоверную информацию, требуемую справку.) Бесспорно: Интернет — глобальный справочник, но он же и *цифровой ГУЛАГ, как позже метко определит его сущность наш выдающийся физик-ядерщик*; недавно этот всеядный справочник я отсек, так что и сам отсечен от оценочно-суетливой картины происходящего. Выходит, не прочитаю даже ни единой строки на именном сайте, созданном трудами и вкусом внучки генерала Снесарева — спасибо ей! — Анны Андреевны Комиссаровой.

(А через несколько лет на включенный по настояниям близких только что приобретенный телевизор, откуда, словно по властному заданию демона антикультуры, изливалась во всех жанрах гремучая пошлость, свалилась сверху, с края стенки, комнатная антенна, резко зацепив телевизор, и тот изукра-сился красивыми, салютными линиями, подобиями цветов и звездочек — знаками своего конца. Правда, вскоре по просьбе жены телевизор (хуже предыдущего как знак и реальность общества ненасытного потребления) пришлось приобретать снова. И иногда удается увидеть, услышать дельное, серьезное, смелое: скажем, от главы государства, или же на «интеллектуальном ринге» Владимира Соловьева наблюдать за размышлениями Карена Шахназарова, Александра Проханова, Сергея Михеева, Владимира Корнилова, видеть социально злободневные споры в передаче Ольги Скобеевой и Владимира Попова «60 минут» или же в «Праве голоса» — Якова Кедми, Маргариты Симоньян, Сергея

Кургиняна; или — передача Романа Бабаяна «Своя правда»; и, конечно же, — «Бесогон» Никиты Михалкова, в особенности передачи о Ельцин-центре, уральском и московском, о сценическом действе — шабаше у швейцарского туннеля, благосклонно принимаемом мировой политической верхушкой, — о лукавой Санкт-Петербургской представительнице... Тывы в Совете Федерации и тьме ей подобных («ад пуст, все черти здесь»). В сущности, каждый «Бесогон» — честный, мужественный, предупреждающий голос, часто он — о главном.)

ГИБЕЛЬ НА КРАСНОМ СВЕТЕ

Она — дочь своего отца. Те же трудолюбие и умение сосредоточиться, та же открытость, расторопность и добродушие, чуть ироничные. Окончив Московский государственный университет, она поработала в ЦК комсомола, затем в институте стран Южной Америки — занималась переводами. После перестройки в издательстве «Принт» выпускала духовные календари и молитвенники. Когда-то увидев в Боровске заброшенный храм Бориса и Глеба (в нем имя ее отца), воодушевилась помочь воссоздать его для молитвы и помогала трудами, книгами, иконами. Помогала знакомым и незнакомым, детдомам, церквям, школам...

Марина Стукалина на своей старенькой легковушке остановилась на перекрестке: загорелся красный свет; на бешеной скорости ее сбил КамАЗ. Неделя в коме в больнице Склифосовского...

Октябрьская поездка в **Москву**, сороковины Марины Стукалиной. Собрались в близком Доме театральных деятелей на Старом Арбате. В поминном слове я соединил Москву и Росошь, где шли ее младенческие месяцы в бытность Бориса Ивановича Стукалина редактором районной газеты, где Ольга Яковлевна, тогда молодая мать, и ее добрые соседи вылечили Маринку от тяжелейшей хвори, где раздавался ее младенческий смех, который, может быть, не развеялся и поныне.

Мы были с нею нечасто встречающимися единомышленниками. В последние годы она работала в издательстве, выпускавшем духовные книги, православные календари, развозила по Москве и Подмосковию тяжелые стопки изданий (это-то дочь министра, государственного деятеля!), правда, имея возможность творческих воплощений. Последний ее замысел — издание русских икон Богородицы, она собрала около четырехсот списков, копий фотографий чаемых икон, она мысленно уже видела свое детище — уникальное собрание икон Божией Матери.

Сколько раз я останавливался, бывало, на целую неделю в доме Стукалиных в Большом Афанасьевском переулке, и душеприветное собеседование с улыбчивой Ольгой Яковлевной и чуть ироничной Мариной словно бы дополнялось и расширялось с портрета взыскательно глядящим на нас Борисом Ивановичем. И вот теперь Марина, оставив нас, остается в памяти нашей, а в горних обителях, Бог даст, встретится с отцом, как, быть может, всем нам дано встретиться в неземной жизни и честно сказать: «Мы любили друг друга!»

ГОД ПОЭТА В РОССОШИ

Росошь. Двадцать пятого февраля. Открытие прасоловского года в родном поэту районе. Мое выступление в городском Доме культуры. Из Воронежа трое — Новичихин, Умывакина и я, из Москвы — главный редактор «Нашего современника» Куняев, росошанцы — Глазко, Беликов, Чалый, Морозов, Южанинов, «дирижирует» заведующая краеведческим отделом районной библиотеки Нина Ивановна Герасимова, проводящая подобные встречи уверенно и хорошо.

Еще ранее — мое предложение присвоить районной библиотеке имя Алексея Прасолова.

УТВЕРЖДЕНИЕ В МОСКВУ ВОРОНЕЖСКОЙ ПРЕМИИ ПЛАТОНОВА

Последний день марта. Поездка — Новичихин, Жихарев и я — в Москву, в Союз писателей России, на утверждение премии Андрея Платонова. Была утверждена комиссия (Ганичев, Иванов, Новичихин, Жихарев, Будаков). В телефонном разговоре Распутин от возможной премии мягко, но твердо отказался, объяснив, что «уже обременен наградами». Тогда премию единодушно постановили присудить Юрию Бондареву, одному из последних «окопных лейтенантов», неповторимо сказавших о войне, одному из немногих, очарованных красотой мировой культуры и ранимо переживавших оттеснение ее на задворки шумного мирового подиума антикультуры.

Вечером до полуночи — долгая и душевная беседа с Валентином Григорьевичем в доме на Старокопюшенном. Дружески, перейдя на «ты», рассказывали друг другу о Доне и Ангаре, Усть-Уде, Аталанке и Россоши, Нижнем Карабуте, Новой Калитве и, конечно, о семьях. Он сам заговорил о дочери Маше, она, по его словам, была его продолжение, но из-за трагической гибели желанных внуков ему не оставила. «Вечеряли» постно все вместе: Светлана Ивановна тоже присоединилась к нам не только как хозяйка, но и радушная собеседница, словно бы ее на короткий час отпустила боль и тоска по сгоревшей в пламени дочери.

«ПУТЕВОДНАЯ НИТЬ» — ИЗБРАННОЕ ИЗ ДВАДЦАТИ КНИГ

Центр духовного возрождения при финансовой поддержке правительства Воронежской области выпустил в свет большой сборник прозы, поэзии, публицистики «Путеводная нить» — избранное из двадцати моих книг, изданных в Воронеже и Москве. Каждому блоку страниц ранее изданной книги предшествует изображение обложки или переплета, а тыльная сторона — отзывы писателей, журналистов, литературных критиков, общественных деятелей, ученых. Перед встречей с читателями избранного — предваряющие, разъясняющие авторские слова:

«Под переплетом многостраничного тома — разножанровые тексты из книг, вышедших в свет на временном пространстве сорока лет. И едва не через все книги “протекает Дон” — по сути главный образ моих прозаических, поэтических и публицистических страниц. Выросший у берега величавой славянской реки, с детства плененный придонской ширью и далью, пройдя Дон от подмосковных истоков до приазовских гирл, я почувствовал его не только как историческую реку Отечества, но и как образ метафизической реки времени и даже вечности — в потоке всего преходящего.

Избранная эта книга — о годах недавних, кажущихся теперь такими давно далекими. Книга о нашей Отчизне, о родных краях, о людях, перенесших огненные палы войны, названной Великой Отечественной не только государством, но в первую очередь народом: нашими отцами, воинами, пахарями и строителями, которые, претерпев неслыханные тяготы и утраты и в военные, и в мирные годы, жили, надеясь и веря; книга о сверстниках, которые воевались на гранатах и минах, угнетались на недетских работах, но поднялись в полный рост, выстояли и много доброго сделали на земле.

Неизбывно пульсирует память — от памяти одного человека до памяти народной, национальной, памяти исторической, генетической. В памяти — небо и земля, соборная сила народа и отдельная личность, человек и его душа; свобода и ответственность, двоякая сущность прогресса, где рельсы ведут не в тупиковую ли даль; опоры сердечно-духовного бытия — любовь, совесть, искание добра; при-

донские холмы, родные пенаты, воссиявший крест деревенской церкви; всемирно звучащие имена Отечества — наши духовные вершины; и конечно, державная поэтическая и скорбная судьба сельского мира, силами и соками которого возросла Россия.

Какие ни выпадали Отечеству лихолетья, сельский мир являл себя как носитель духовного и душевного склада русского народа. И даже после великой войны деревня, насквозь обезмужиченная, полуголодная, все отдавала ниве, поднималась ростками новой жизни, кормила себя, большие и малые города. Хотя и коллективизация, и послевоенные чиновно-академические проекты, вплоть до последних, не могли не сказаться на жизни, вернее, угасании “неперспективного” сельского уклада. Крестьянин во все века — будто пасынок на земле, какую возделывает.

Урбанистическому натиску был дан ответ в лице русского слова. Сыны деревни, сыны России — писатели трагического исхода деревенского мира-космоса — Федор Абрамов, Александр Солженицын, Владимир Солоухин, Борис Можжаев, Иван Акулов, Виктор Астафьев, Евгений Носов, Константин Воробьев, Василий Шукшин, Василий Белов, Валентин Распутин, Владимир Крупин, Виктор Лихоносов... незабываемо прочтение их, смогших сказать о русской страде, о совести, милосердии, во всей полноте художественности и правды, незабываемы и встречи-беседы с ними.

И постоянно в моих книгах присутствует идея единства родины, всеземного, всепланетного мира и Вселенной, по счастью, далекая от элитарно-вселенского, потребительского жизнеустройства, при котором родина там, где удобно, безответственно-вольготно и приютственно. И однако в эпоху, когда “растет всемирная вина” от попустительства разрушительным безбожным силам, отнимающим у человека чувства любви, добра, влекущим его к мелкому и мелочному, чувствуешь и свою личную вину: где-то не увидел угроз, где-то неразумно поступил, где-то промолчал, когда надо было криком кричать!

Вся жизнь совестливого, соучастливого человека — обычно цепь испытаний, заблуждений, тяжкий крест-опыт, обретение веры, когда враз, когда медленно. И если “надежда умирает последней”, то вера есть наша неумирающая надежда. Вера изнутри светит и вбирает Свет Горний. Все проходит, но память запоминает и ничему не дает уйти бесследно — внеответно и внеблагодарственно. Все остается... Остаются подвиги, потери, правда и ложь, честь и бесчестье. И боль, боль, боль...

И пусть эти написанные в разные годы странички будут благодарностью времени ушедшему, людям ушедшим и живущим».

МУЗЕЙ НА РОДИНЕ МОЕЙ

Четвертого сентября 2010 года — открытие в Нижнем Карабуте литературно-го музея. Гости из окрестных сел и Россоси. Поздравительные письма из Воронежа. Завуч школы, преподаватель русского языка и литературы Инна Петровна Красавцева, — главная музейная вдохновительница и устроительница. Музей выглядел так, словно посвящен только одному человеку, и этот человек — я; стены, стелды, полки — всюду фотографии моей семьи, мои книги, журнальные газетные публикации, грамоты, книги о моем творчестве. Впрочем, областной «Молодой коммунар», скоро предоставивший полосу, посвященную местному культурному событию, открыл ее словами, определяющими именно фамильный характер музея: «К 70-летию поэта-земляка Виктора Будакова на родине в Нижнем Карабуте под Россосью открыли его музей».

Я же в коротком спиче при разрезании ленточки сказал учащимся и всем собравшимся примерно следующее: музей — картина народной памяти. А здесь так много только обо мне — об одном человеке. Но наше село на протяжении столетий

обустраивало несколько поколений. Плотники, кузнецы, сеятели, косари, жницы... Давайте помнить о них. Я надеюсь, что со временем музей обретет равновесную составляющую в виде большого этнографического раздела. И конечно, появится здесь целая галерея, целая аллея людей, которые много сделали для Нижнего Карабута. Я убежден, что среди вас нет неталантливых, что каждый из вас не просто талант — вселенная!

А ЛЕТОМ МОСКОВСКИЕ ЗЕМЛЯКИ ВОЗВРАЩАЮТСЯ НА ДОН

Первого-пятого декабря — **Москва**. В гостях у земляков Петриевых — Галины Иосифовны и Ивана Павловича. Очевидное чувство семейного, чувство большой и малой родины — может, и от этого Галина Павловна нашла хорошие слова о моих страницах: они соответственной направленности. Крепкая, дружная семья, проверенная Афганистаном, житейскими испытаниями. Галина Павловна — член Союза писателей России, автор нескольких сборников стихотворений и страниц о детстве и для детства. Стихи настоящие, исполненные любви, света и веры. Донская родина — исток ее хорошего творчества. Оба из придонского хутора Козки, близкого к хутору Рождественскому, где они летом отдыхают, на даче разводят бархатцы, бегонию, петунию, космею, анютины глазки, радуют жителей хуторов и большого донского села Марки литературными встречами. Иван Павлович, военный, — естественно, патриотически настроен, как и мой сын Игорь — и это нам добавляет чувств душевной близости. А московская квартира — словно многоцветущая клумба, цветы — буквально всюду: на стенах, на книжных полках, на полотенцах. И конечно, праздничное изобилие живых комнатных цветов: кротон, роза японская, монстера, хлорофитум, фикус...

Все ночные отдыхи — в квартире Стукалиных. Хорошие вечерние беседы с Ольгой Яковлевной, которая так и не перестает скучать по Воронежу: к тому же весь день одна — устает от одиночества, а внучка Оля приходит поздно и сразу погружается в свой компьютерный мир. С утра полдня занимались разборкой семейного архива — книг, фотографий писем (Симонов, Кораблинов, Песков, Гейченко, Троепольский, Прасолов...)

После обеда — долгие часы с Распутиным, его дом на Староконюшенном и дом Стукалиных на Большом Афанасьевском — наискосок, в полусотне метров через детскую площадку. В кабинете Валентина Григорьевича — иконы, стеллажи книг, письменный стол у окна, диван и два кресла, над диваном — гравюра, на стеллажах — густота изделий народного творчества. Разговоры о разном — о судьбе России и русских, о Леонове, Шолохове, писателях деревенского мира и даже... о приبلудном графомане, надоедавшем Валентину Григорьевичу «прокурорскими» строко-вопросами-допросами, дескать, действительно ли он писал предисловие к книге «Родина и Вселенная». Пришлось болезненно-любопытствующему биографу ответить коротко: да, я, Валентин Распутин, автор статьи. «Смотри, — сказал ему, — он на всех перекрестках будет хвастаться, что состоял в переписке с великим писателем». Посмеялись да заодно вспомнили и иные проявления всяковской низости, лжи и пошлости, так пышно и стремительно вспузырившейся на родной земле, куда вернулся и где широко разворачивается капиталистический бог нажив, разорений, извращений. С нами была Светлана Ивановна, обычно печально скорбная после гибели дочери, но на этот раз словно бы чуть оттаявшая, разговорчивая и даже тихо улыбавшаяся.

Расставаясь, крепко обнялись, Валентин Григорьевич сказал: «Ты приезжай по весне, в апреле: в конце апреля мы уедем из Москвы, и я больше не думаю сюда возвращаться. Пусть дальнейшее будет на родине!»

ВСТРЕЧА НА РОДИНЕ С БУДУЩИМИ ПЕДАГОГАМИ

2011 года первого февраля — поездка в **Россошь**, выступление в педагогическом техникуме, не столь давно переименованном в колледж: статусное повышение, но намного ли оно повышает уровень учебно-педагогический, если на верхнем министерском этаже бал правит то асмоловщина, то фурсенковщина, то ливановщина, пригнетается национальное, народное, родинovedческое. В актовом зале собралось более полутысячи человек — учащиеся, преподаватели, гости. Десятки, сотни раз я выступал в школах, институтах, университетах, и всегда с учащимися и студентами старался говорить честно и о существенном. И всегда залы откликались многочисленными вопросами. Так и на этот раз. Десятки вопросов по моему рассказу о малой родине, расширяющейся до большой Вселенной, об истории росошанского края, о казачестве, о будущем России и Украины да и всего славянского мира. Я впервые выступал в заведении, в котором до войны учился мой отец, а после войны — поэты Алексей Прасолов, Галина Петриева, Михаил Шевченко и многие еще талантливые, созидательные, честные устроители отечественной жизни, и я под занавес благодарил их всех. Благодарил и присутствующих; среди них оказалась большая группа нижекарабутцев, просивших о новой встрече в Россоши или Нижнем Карабуге.

МЕМОРИАЛЬНЫЕ ДОСКИ И ПАМЯТНИКИ

Многие мемориальные доски в Воронеже открыты и по моим ходатайствам: бунинская, суворинская, кораблиновская, кубаневская, прасоловская; на очереди — давно принятая на комиссии по историко-культурному наследию веневиновская, да и не только... Доски разного достоинства, но в любом случае не бесполезные: незнающий или малознающий прохожий, скорей всего, остановится, прочтает, быть может, захочет узнать побольше про означенное имя.

Множество мемориальных досок погибшим за Воронеж или ушедшим после войны Героям Советского Союза. Идешь по городу — как по кладбищу.

А памятники? В сентябре 2009 года близ давно изваянного в скорбной позе сидящего Никитина в зеленом уголке на бывшей Мало-Садовой открыт памятник Высоцкому — сильному, мужественному нашему современнику, голос которого на разрыв звучал по стране. Ни Высоцкий, ни Есенин не бывали в Воронеже, но установленные им памятники, естественно, радуют. Иные чувство и мысль — есть ли нравственная неуязвимость в увековечении славного имени только частным, а не общественным, не государственным образом? То есть через пристрастия меценатов-толстосумов, разбогатевших известно как в мутном потоке перестройки. Хорошо, что — Есенин и Высоцкий. А то политиканствующие местные нувориши — по-русски говоря, выскочки-хапуги — финансировали предвыборную кампанию некоего нечаянного выпорхнувшего креслоискателя, оказавшегося воронежским мэром, ничего заметного, благоустроительного для города не сделавшим, и через последнего ими была открыта в обход городской комиссии по историко-культурному наследию глыбистая мемориальная доска депутату Государственной думы Старовойтовой, на сутки заглянувшей в Воронеж по своим партийно-политическим или финансово-экономическим надобностям.

А нет в городе памятников уроженцам Воронежской земли, ее истинно великим сыновьям — Болховитинову, Афанасьеву, Снесареву.

Давно думаю о чести и культуре нашей памяти, о вещественном увековечении больших имен — об увековечении подчас условном, приблизительном, стороннем.

Девятого апреля в мокрый снег, дождь, непогоде — поездка в **Москву**. Перед самым отъездом Валентина Григорьевича в Иркутск — встреча с ним, как и обычно, у него дома, в переулке Староконюшенном. А дома (квартиры) словно бы и нет: в рабочей комнате все вверх дном. Почти пустые стеллажи, еще в недавний мой приезд заполненные не только книгами, но иконами, картинами, дареными изделиями народных промыслов, сувенирными безделницами, по-разному дороги Валентину Григорьевичу. Все в чемоданах, в увязи матерчатых и кунжутowych мешков. Веет беспощадным духом ухода — не просто отъезда, но уходящей, невозвратимой жизни. Беседовали долго и не без грусти — о судьбе России и русских, в течение веков настигаемых тяжелейшими испытаниями, о Пушкине, Тютчеве, Достоевском, о Булгакове, Платонове, Шолохове...

Еще глазастро оповещает на фасаде МХАТа имени М.Горького на Тверском бульваре большая афиша: «Деньги для Марии» — спектакль по ранней повести Валентина Распутина, поставленный Татьяной Дорониной; еще живо говорят о нем в литературно-общественных кругах, еще в книжных магазинах Москвы можно приобрести его повести, рассказы и публицистику, а сам писатель, более двадцати лет проживший в столице, отдавший здесь (особенно — в публицистике) столько сил, здоровья и времени защите Отечества, народа, родной культуры, навсегда покидает Москву, и по-своему это тоже — прощание с Матерой...

На другой день дома, в Камергерском проулке, Володя Крупин рассказывал, как они с Распутиным поднялись в Иркутске наверх, где кладбище, и Валентин Григорьевич наказал: «Вот тут, где Маша, где дочь моя, и меня похоронить»; но скоро обратили глаза вниз, а там автострада, поток машин, несмолкаемый гул и грохот, и он поправил себя: «Нет, здесь шумно, наверное, все-таки придется ложиться в землю в Усть-Уде или Аталанке».

Грустно, больно. И в томящем чувствовании чего-то значительного — уходящего — добирался в Воронеж (опрощенный, неразумный шаг) на странном такси, с хмельными попутчиками, и неизвестно чем могли завершиться остановки в глухой беспросветной ночи.

В ГОРОДЕ БОРИСА И ГЛЕБА

Город, еще до знакомства с ним, не мог не притягивать своим историческим и поэтическим названием, и я побывал в нем еще в молодые, коммунаровские годы, из студенческой поры припоминая «Сказание о Борисе и Глебе», воображая и видя перед глазами благочестивых сыновей великого князя Владимира, погибших от руки брата своего Святополка Окаянного и признанных православной церковью первыми русскими святыми. И вот встреча — через полвека.

В майский солнечный день — посадка деревца на Аллее литературы. Эта аллея — замысел и воплощение поэта Федора Григорьева. Хорошее культурное начинание в городе, столь богатом историческими событиями, памятниками, именами, окрестными лесами и водами. Выступления в школе, районной библиотеке, мои стихи о Борисе и Глебе.

«ЧЕСТЬ ИМЕЮ. ГЕОПОЛИТИК СНЕСАРЕВ: НА ПОЛЯХ ВОЙНЫ И МИРА»

Документально-художественное повествование «Честь имею. Геополитик Снесарев: на полях войны и мира» вышло в свет лишь в 2011 году — в издательстве Воронежского университета. (Через три года его переиздаст столичное издатель-

ство «Вече» под грифом «Военный архив»). Широкая, благодетельная оценка, вплоть до «Энциклопедии русской жизни», российской и зарубежное признание, И.С. Даниленко, доктор философских наук, заслуженный работник науки РФ, руководитель (2000–2007) научно-методического Центра отечественной военной стратегии им. А.Е. Снесарева Академии Генерального штаба вооруженных сил Российской Федерации, свое предисловие к книге «Честь имею...» завершает благодарным признанием Воронежскому краю, отчим сыном которого является великий геополитик: «И вот передо мной — многолетние раздумья Виктора Будакова над личностью и творческим наследием великого земляка... Книга радует широким взглядом на человека и мир. Она в хорошем смысле панорамна. Образ Снесарева представлен на фоне событий России и всего населенного земного шара. Для постижения энциклопедического мира своего героя автору потребовалась собственная энциклопедическая подготовка. Она дала ему возможность представить образ Снесарева в сложнейшем переплетении исторических событий, картин, имен, исторических, лирических отклонений и отступлений... Любовь автора к воронежской земле, ее людям безгранична и безмерна. Он знает место и роль своей малой родины в истории, в текущем и будущем России. Благодарен ему за то, что он помог мне шире взглянуть на Снесарева, а еще — глубже и ближе почувствовать, как прекрасен и значим Воронежский край для России. Уверен, что маршрут по снесаревским местам будет на воронежской земле».

На разных уровнях поддерживается и мое обращение к общественности и местной власти — установить памятник Снесареву в Воронеже. Кой годы я бьюсь над этим, обращался в самые разные инстанции, писал письма одному из губернаторов, районным главам, но... есть этот противительный союз «но», весьма успешный и не только в административно-чиновной сфере.

На городской комиссии по историко-культурному наследию я даже назвал ответственный уголок — у военного ведомства на главной улице, неподалеку от железнодорожного вокзала, где Снесарев бывал не раз.

КРЫМ, 2014

«Надолго оставит в России великие следы эта эпопея Севастополя, героем которой был народ русский...» — невольно вспоминаются слова Толстого из его «Севастопольских рассказов». Народ Крыма (разнонациональный) не переставал тяготеть к российскому миру, но в его нынешнем воссоединении с Россией много значит воля, ум, пронизательность, осторожность и смелость одного человека — главы государства: мюнхенская речь, кремлевская «крымская речь», его неожиданные и продуманные «шаг назад, два шага вперед»; по грану, по капле — воссоздание разрушенной страны (именно страны-родины, а не режима), которое позволяет причислить его к плеяде выдающихся государственных деятелей.

Но помощники его, административные мужи, губернаторская рать... Назначенные, рекомендованные, избранные или якобы избранные... сколько их, и сколь хотя бы малая часть их искренне, беззаветно заботится о судьбе родины, вверенного им края?!

Киевская переворотная верхушка якобы потребовала от российских губернаторов по опояске русско-украинской границы передать слободские районы и области под ее юрисдикцию... Иные приграничные местные управленцы посмеялись, а иные — то ли испугались? Если в чем и проявились — так в аккуратном ничегонеделании, отсутствии ясной позиции, робком беликовском «как бы чего не вышло», молчании вверенной им печати и культуры. Понимают ли, что мы теперь не на границе добра, любви и мира, что требуются честь и мужество, а не пугливые страхи за свои личные мирки, кресла, особняки, заграничета, плантации и т.п.

Такое ощущение, что все понимает и принимает на себя все опасности глава государства, а вокруг него — словно полупустыня с кочующими шарами перекати-поля, или словно частокол из управленческих торсов, отделяющих главу государства от народа. Грустно все это...

«Крымская весна» состоялась, как весна природная, а что будет с тяготеющими к России Донцом, Луганском, Харьковом, Одессой? Тяжелое ощущение, что их ждут трагические испытания.

ДВАДЦАТЬ ЛЕТ ЦЕНТРУ ДУХОВНОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ ЧЕРНОЗЕМНОГО КРАЯ

В Доме актера собрались многие от культуры: отмечается двадцатилетие Центра духовного возрождения. Впереди — либеральная часть местной интеллигенции, энергичная «элита»... сплоченный первый ряд кресел.

Меня как «духовного отца», первого руководителя Центра, пригласили выступить в начале, наверное разумея, что я буду этикетен, толерантен, политкорректен, полностью одобряю нынешний местный либеральный курс. Я и был терпим и толерантен, только рассказал о начале деятельности центра — патриотической, родиноведческой, славяно-русской, а закончил примерно так. Вот глава государства сказал серьезные слова о русскости, о русском мире, но Центр заговорил об этом на самом раннем этапе, еще в конце века — своими книгами, фестивалями, встречами. Право, не знаю, как бы вслух «прокомментировали» мое выступление наиболее радикальные из первокресельных, но тут поднялась на сцену народная учительница СССР Марина Игнатьевна Картавцева, уважаемая в воронежской культурной среде, и стала приподнято эмоционально вспоминать, как мы в непроглядную метель вдвоем шли по сугробной главной городской улице, и я ей открывал проспект деятельности будущего Центра — словно вдохновенную и искреннюю песнь о родном городе и стране; на мои слова о культуре и литературе сослался также Иван Александрович Щелоков, редактор журнала «Подъём», и протестные заявления прозвучали бы неумно и неуместно.

А деятельность Центра на культурно-литературной ниве — действительно впечатляющая веха на поприще местной культуры, и на торжественном подиуме, и фуршете возглашалось сие, может, даже и неумеренно; как бы то ни было, главное — изданные книги, а не хвалебные речи и тосты.

ИСТОКИ ИЗВЕСТНЫ, УСТЬЯ ВО МРАКЕ

Журнал «Подъём» попросил меня как давно занимающегося славянской темой составить сборник «Истоки» (этнокультурные особенности Воронежского края). Я счел нужным предварить его вступлением, часть которого, наверное, нелишне привести здесь: «Все труднее каждому из нас думать о всемирном мире, о всечеловеческом счастье, о долговременной человеческой миссии на земле — об их прочности. И причина тому даже не космос (бунтующие бури на Солнце, глыбные осколки метеоритов, столкновение с которыми для Земли подобно столбовению “Титаника” с айсбергом, геологические разломы и климатические, экологические катастрофы), а сам человек — эгоистичный владыка семьи, народа, государства, всей Земли.

По ночам двадцать первого века, год четырнадцатый, многие из нас просыпаются от гула разрывающихся мин, снарядов и бомб в Луганске и Донецке. Разумеется, он не доносится до нашего города, но внезапное просыпание или вовсе бессонные ночи происходят именно из-за этого. Агрессивные злые силы, катясь с предгорий Карпат до терриконов Донбасса, пытаются утвердить здесь свой поря-

док разрушительства и ненавистничества к инакомыслию, инакобытию, приобретённости к русскому миру. Не без того: их взрастила, спровоцировала к походу на Донецк и Луганск усредненная расчетливая приатлантическая администрация — энтузиастка однополярного мира, “золотого миллиарда”, глобального проекта... Какая уж тут “слезинка ребенка”, если под разрывами бомб, мин, снарядов даже в перемирные отрезки гибнут дети, женщины, старики, мирные люди, всю жизнь посвятившие созиданию?!

Русский мир и противостоит вневещным, внемужественным, лукавым, двустандартным соблазнам и требованиям атлантического Запада. Это он, русский мир, из века в век преподал образцы подвига и жертвы, сострадания и милосердия, бескорыстного справедливого мироустроительства, при котором не допускается слезинка ребенка, насилие над женщиной и над идеей, напрочь обезбоженная человеческая жизнь. В старинной русской повести есть такие слова: “Русь не желательна суть на кровопролитье, но суть миролюбце, ожидающе правды”. Православный русский, восточнославянский мир всегда тяготел к устроению и единению родной земли, но не к розни. А исторически — русские, украинцы, белорусы (единая Русь) — три ветви единого древа.

Сегодня славянский мир раздирают противоречия, над ним нависли угрозы, враждебные ему силы дробят цельное. Но... объединяет история — корни родства. Имена больших славянских деятелей культуры и литературы, их творчество, за единичными исключениями, вызывают к добру и милосердию, а не к розни и разрушению. Культура подает надежду на мир, созидание и благоустройство нашего общего дома...»

ДА НЕ ПОГИБНУТ В РОССИИ БЕРЕЗЫ!

Совсем неожиданная смерть Владимира Шуваева. Когда-то я давал Володе рекомендацию для вступления в писательский Союз, но, верно, он поэт милостью Божией, каким не обязательны подпорки в виде красных писательских корочек. Встречи наши были редки, но радостны и плодотворны. Его эссе о моем «Великом Доне. Воронеже-граде» — одно из прониженных: у нас были родственные думы о народе, личности и государстве, о героических и трагических судьбах Отечества.

Похоронить его на Лесном кладбище помог депутат Государственной Думы, ученый-историк Руслан Георгиевич Гостев, который, естественно, и присутствовал здесь среди немногих пришедших проститься.

Мне трудно переносить траурные митинги-многоговорения, сам я редчайше произносил прощальные — на похоронах Кораблинова, Стукалина, Никулина... Понимая, что словами ничего у отверстой могилы не изменить и что они мало что значат, все же попрощался с Володей словами скорби и светлой печали-надежды на иную, вечную жизнь его, от нас уходящего.

Он всегда и во всем оставался искренним и большим поэтом и не только, когда говорил о России с ее поистине великим историческим бытием, исполненном подвига, многострадальности, сострадательности и жертвенности. Строки его нередко вспоминались. И на этот раз, пусть и не самые-самые, явились горестной памяти. «Медленно сходит леоновский лес...» А еще строки из «Березового реквиема», этот многократный повтор «Гибнут в России березы», этот трагический рефрен, выводящий на тропу надежды: «После утрат и уроков, / Адовых зим бытия / Свежим березовым соком / Дышит отчизна моя!»

На Лесном кладбище в одиночку, троицами и колками светят березы, белеют они и невдалеке от его могилы. Но хочется верить, что березы сохраняются не только на кладбищах, что, помня о погибших, вырастут новые по всей русской земле!

2015 года четырнадцатого марта — завершилась земная жизнь Распутина. Семнадцатого марта раннеутренняя поездка в Москву (я, Новичихин и Жихарев) попрощаться с Распутиным, а часов через пять, уже перед самой Москвой, — самый страшный телефонный звонок из тысяч их: младший сын Олег глухо, словно с другой планеты, сообщил о смерти своего брата, моего старшего сына Игоря. Как в тумане, я все-таки простился в Храме Христа Спасителя с Валентином Григорьевичем, и тут же административная машина (помог ее выделить зампреда областного Думы, ученый-историк и философ Сергей Иванович Рудаков) на явно необычной скорости устремилась в Воронеж, и глухая мысль билась в голове — «Меня же Распутин еще с осени пригласил с сыновьями навестить его...»

Это ни с чем не сравнимое и маловыразимое словами, красками, звуками состояние... это состояние неопишное, хотя я и не смог не написать, не излить свое горе еще и в надежде, что мой воспитательный опыт, полный ошибок, случится, поможет кому из прочитавших не повторять подобных.

А через два с днями месяца (двадцать пятого мая) не стало и мамы, в последний год тяжело болевшей и физически, и душевно. Она мучилась ногами, исходившими сотни верст по проселкам и полям, ее преследовало прошлое, чаще — пустячное: как в молодости, случались семейные размолвки, скоротечные обиды...

Похоронили ее на главном городском кладбище — Коминтерновском, рядом с отцом, на Аллее Славы; и быть может, ее могила здесь — и напоминание о тех маминих сельских сверстницах-труженицах, тяжелой страдой которых добывалась трудная выживаемость родины в дни великой войны.

ВСЕ ЭТО СУДЬБА?

2015 года первого июня — предельно скромный день рождения. Перед этим — встречи в Северном микрорайоне Воронежа, библиотеке-музее им. П.Д. Пономарева и городском лицее № 8, где созданы постоянно действующие экспозиции по моим жизненным и творческим вехам.

В июньские дни в «Литературной газете» слова писателя Виктора Перегудова: «Два десятка книг прозы, поэзии и публицистики, огромная и бескорыстная, подвижническая культурная деятельность, профессорство, редакторские и издательские труды и проекты, литературные премии — все это его судьба, его поле и его доля. Его вселенная, начавшаяся на воронежской земле, на берегу Дона в напоенном историей и поэзией селе Нижний Карабут, и продлившаяся, распростертая до метафизических пределов познания души народа, добра и зла, яда и меда жизни.

Составивший и выпустивший 30-томную книжную серию «Отчий край», Виктор Будаков видится мне принадлежащим разным временам и равным представленным в этой серии Е. Боратынскому и И. Бунину... Высока у нас стена между писателем и читателем, но так или иначе, а всероссийское признание — оно у Будакова не завтра будет, оно давно уже есть».

Есть ли? И столь ли оно жизнеспособное? Признание или непризнание — в человеческом круге: признанием награждают люди, или сам человек его добивается, или же оно приходит естественно — когда при жизни, а когда и после земного срока. Как бы то ни было, пожалуй, не это главное. Есть реальность неоспоримая: семьдесят пять лет... В них серьезное и пустое, разумное и неразумное, созидательное и ломаное, верное и неверное. А теперь все затмевается чувством потери. Но и просветляется светом иной жизни — вечности.

АНГЕЛЫ НАД РОССИЕЙ

В печати отмечено: «Символом веры в настоящее и будущее России, хранимой Богом и добром человеческих сердец, звучит одна из лучших песен на стихи Виктора Будакова “Русская дорога” (“Ангелы летели над Россией”), написанная известным композитором современности Владимиром Беляевым. Она звучит в праздники Светлого Воскресения, Троицы, Победы в главном соборе России — храме Христа Спасителя, в зале церковных соборов по России...»

В небесах безбрежных, светлых и лучистых,
С тех высот, где звезды бликами играют,
На Россию нашу горестно и чисто
Ангелы взирают.

Ангелы летели над Россией,
Для земли добра они просили.
И горели свечи негасимо
Вдоль дороги звездно-синей.
Та дорога без конца и края
Пролегла сквозь грозы и метели.
Но летели, словно дети рая,
Ангелы летели.

Света-благодати ниспошли России,
Отче, Боже правый, отведи тревоги,
Дай нам, Боже правый, страждущим, осилить
Все пути-дороги...

УГЛЯНЕЦ — РОДИНА ПИСАТЕЛЯ КОРАБЛИНОВА

Третий год на последней июльской неделе приезжаю в Углянец — на родину Владимира Александровича Кораблинова. Спасибо Углянцу, который чтит своего сына искренне и благодарно. Об этом свидетельствуют и отреставрированная церковь, в которой священослужительствовал отец писателя, и мемориальная доска на кирпичном бруске от стены бывшего кораблиновского дома, и постоянная библиотечная выставка. Среди присутствовавших в Доме культуры — взрослые и юные углянцы, сотрудники культуры из окрестных сел. Среди выступавших — Сергей Рудаков, в Воронежской областной Думе возглавляющий комиссию по культуре, писатель-краевед Олег Ласунский, родные Владимира Александровича, а также писатель Сергей Пылев, поэтесса Зоя Колесникова, с которыми мы с внуком Андрейкой приехали на их легковушке. Я продолжил прошлогодний рассказ о встречах с Владимиром Александровичем, подарил местной библиотеке десятка полтора моих книг, в которых в большей или меньшей степени возникает имя писателя, а также сигнальный экземпляр только что вышедшей моей книги о Кораблинове как самом почитаемом мною из воронежских писателей — «Летописец Воронежского края».

ВОРОНЕЖСКОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ — НА МОСКОВСКОМ СЕКРЕТАРИАТЕ

Газета «Коммуна» 12 октября 2018 года сообщила: «В декабре этого года Союз писателей России отмечает свое 60-летие. Секретариат правления Союза решил к этой дате провести в Москве ряд презентаций книг известных писателей страны. Первым такой чести удостоился воронежец Виктор Будаков. 25 сентября в зале заседаний секретариата правления на Комсомольском проспекте, 13, состоялась

презентация шеститомного собрания сочинений нашего земляка. Вел презентацию первый секретарь правления СП России Геннадий Иванов. Издание представил Евгений Новичихин. В обсуждении творчества Виктора Будакова приняли участие сопредседатель правления Союза писателей России Владимир Крупин (Москва), писатели Виктор Перегудов (Москва), Юрий Кургузов (Воронеж), составитель собрания сочинений Виктора Будакова, филолог Виктория Стручкова (Воронеж), секретарь правления Василий Дворцов (Новосибирск)...»

БОГУЧАР, ДОНСКАЯ ГАЛИЕВА ГОРА

По пути в Богучар через понтонный мост меж Старой и Новой Калитвой заезжал с младшим сыном в Гороховку — побывал у могилы учителя, поэта-песенника Ивана Акимовича Пахомова, встретился с его сыном, побывал у заброшенного, заросшего, когда-то крепкого подворья — сын показал. Грустно. И на другом гороховском кладбище — на могиле Алексея Иосифовича Багринцева (я с ним не встречался, но немного читал: хороший поэт).

Сон: вид на Гороховку с правобережной кручи. И реальность: с Галиевой горы близ Богучара — вид на задонские дали, напоминающие дали моей малой родины. И все еще проглядываемые рубцы войны — заросшие, но еще видимые траншеи, окопы, иногда попадаются осколки.

Несколько лет подряд — кратковременные отдыхи в Богучаре, в гостях у Ивана Михайловича Абросимского, с которым мы давно знакомы и дружны; он сорок лет возглавлял местную районную газету, поддерживал поэтические дарования, много посвящал культуре окрестного; и если воспринимать слово интеллигент как оценочно положительное, то Иван Михайлович именно интеллигент, народный интеллигент или интеллигент из народа.

Мы исходили, изъездили все окрестности. Встречи в библиотеке. Переправа, понтонный мост. Вспомнился режиссер Довженко — его запись о донской переправе у Богучара в отступающем сорок втором...

КОСМОС БЫЛОЙ И НЫНЕШНИЙ

Из раннего детства, из отрочества, из юности — почва и высь, холмы и облака, цветы на придонской земле и раннее утреннее солнце, поздневечерние звезды в небе. Всю жизнь — родная земля со мною, родное небо надо мною. Неизменно, но — неизменные ли?

В моем эссе «Даль бесконечная» есть такие строки: «Философское изречение, роднящее мироздание и человека — “Звездное небо над нами, нравственный закон внутри нас”, — невольно побуждало обращать взор ввысь. И как земля и небо соединялись будни и сны. И сколько было их, снов, цельных и калейдоскопичных, повторяющих пережитое как сон не столь давний...»

Я — в церкви Покрова на Нерли, еще атеистических времен, еще с голыми серыми стенами, и молодая женщина с тоской рассказывает мне, как десятилетия назад местные молодые активисты жгли иконы у реки и выплясывали вокруг костра. А затем — мгновенный временной и пространственный переброс, и я уже в Пиллау (Балтийск), откуда в Средиземное море, в загорающийся пламень арабизраильского противоборства отправляется советская эскадра, а на пристанной площади тесно от «березок» — жен и провожающих девушек в белых платьях. И тем же днем лета шестьдесят седьмого оказываюсь в Кенигсберге, склоняю голову в главном соборе у могилы Канта (собор — могучий краснокирпичный четырехугольник — еще от войны без крыши, так что ночью, действительно, — звездный свод над нами, но какой тут нравственный закон внутри нас, когда на гранитном

надгробий мелом чья-то пошло-острословная размышистая надпись — «теперь ты узнал, что такое исторический материализм?»). А мгновением позже — я в Риме, в соборе святого Петра, бесконечно долго стою у скорбной «Пьеты». Наконец, в Москве, в весенний праздничный день ступаю под своды храма Христа Спасителя, где в зале церковных соборов звучит духовная музыка на мои стихи «Ангелы летели над Россией». И вдруг... зеленый полустанок, откуда отходит поезд со всеми виноватыми на земле, и я, может, из самых виноватых, бросаюсь ему вдогонку, но он стремительно исчезает в разверзшейся бездне. Все в этом сне — правда, все в жизни было так. А поезд? Или он печальная метафора умчавшейся земной жизни?

А в этой жизни было столько хорошего и дурного, столько событий, столько книг о событийном и вечном, столько стрел, маятниковых качаний, кругов, спиралей, философски объясняющих движение времени. Именно в своем времени дано мне было увидеть, сердцем и разумом восторженно пережить и первый в мире советский спутник Земли, и первый полет человека в космос — советского, русского, и первый в мире выход в открытый космос космонавта — тоже советского. Была пора, когда я все это воспринимал как великие победы человеческого разума. Русские философы-космисты, Циолковский, Вернадский с его учением о ноосфере, французский религиозный мыслитель Тейяр де Шарден добавляли надежды; правда, проглядывали и пророческие предостережения. Полеты в ближний космос, подготовительные (без человека) полеты на Луну, другие планеты — их, человеческих вторжений в космос, становилось все больше; ныне же летают полчища спутников — идет массовое, разными странами освоение околоземного пространства; а это не то что освоение таежного леса, хотя и здесь не все удается прибрать и не изувечить зеленый мир земли. И теперь уже неизгонимо такое явление как засорение космоса: из металла и пластика — «космический мусор». И когда нынешнее поколение, более продвинутое, нежели наше, глядит в небо, оно углубляется там не только звезды, но и обломки погибших космических кораблей. Фантастическая реальность.

А мне все еще видятся крестьяне разных стран и времен, у которых была своя кровная связь с космосом: поле под солнцем, под дождем, под снегом; созревшая нива земли под дневными, ночными лучами Неба; подсолнух — светлый цветок, укорененный в национальных мифах, роднящий землю и космос.

У каждого из живущих есть главное чувство. Это особенно видишь у пишущих, поскольку их главное чувство выявляется или отображается в слове. В геополитике, ученом, военном деятеле Андрее Евгеньевиче Снесареве очевидно чувство семьи и Отечества при широчайшем географическом, историческом охвате множества земель и стран. Писатель Андрей Платонович Платонов (Климентов): в нем, в его строке — зримое чувство сиротства всего живого на земле, не только человека или коня, но и дерева, даже травинки малой. Писатель Михаил Александрович Шолохов — эпическое чувство трагедийных судеб народа. Поэт Александр Трифонович Твардовский — неизменное чувство вины невиноватого: вины перед погибшими на войне.

А у меня это чувство вины и ответственности — сызмальства, не под церковными куполами рожденное, а словно вошедшее в меня при моем рождении, генетическое, всезаполняющее чувство вины и ответственности перед живущими и ушедшими, усиленное годами и объяснимое тем, что я так мало кому помог в этом мире, хотя с наиранного детства мечтал помочь всем добрым людям на земле.

И еще не без надежды думаешь, что это чувство строгой вины и ответственности, не позволяющее жить подло, эгоистически, и потребность так или иначе — физически, просветительски — при первой возможности помогать другим живет полнокровно во многих из нас, иначе — как? Иначе — торжество пошлости, многополой плотоядности, живо понимаемой избранными.

Много увидено, пережито, передумано, а записано — почти ничего! Может, и смысла нет в этом, не всему же быть записанному: вся необходимая Запись и Память — только у Всевышнего, Вседержителя, Творца; хотя в малое оправдание любой частной и честной человеческой записи могут послужить старинные слова одного из подвижников церкви: «Вещи и дела, аще не написанныи бывают, тмоу покрываются и гробу беспамятства предаются...»

На избеже жизни не то что описать — даже не перечислить всего, отчего волновалось сердце, возрастая, радовалась и горевала душа, мужал ум, все далее обозревая загоризонтные временные и пространственные дали: первый солнечный луч, глаза мамы, малая птица, большая река, кони на лугу детства, пшеничное поле с васильками у проселочной дороги, тревожная луна, великие события и лица людей...

Большую часть века я прожил в Советском Союзе. С благодарностью принимая дарованную мне жизнь во вполне определенном времени и пространстве, не могу не посетовать (разумеется, мягкое слово) на свои беспечность и неразумие по отношению к отпущенному мне сроку. Многое из того, что мне являлось как мысль, как интуитивное видение, как чувствование души и сердца — сбилось, и от этого еще горше.

Утраты. Потери. Земные мраки и сроки. Но бессрочен Божественный Свет. И для человека, и для человечества, если только оно сможет остаться человечеством. Нерасчеловеченным человечеством. Спасить сердечно, душевно и духовно дано, именно веруя в вечный Божественный Свет!

И от первого до последнего дня своей жизни благодарю Бога, природу, отца и мать. От них — моя жизнь, и за все, за все им навечно спасибо. Они мне дали способность быть благодарным миру. Раннее мое детство возрастало в лучшем для меня уголке земли — на берегах тихого-нетихого Дона, на его меловых кряжах, откуда вид открывался такой, что я уже с детства мысленно за горизонтами видел все части света — весь белый свет. И я благодарен Дону, его прибереговым лугам и лесам, окрестным полям, а еще — коням, буренкам, зверькам и птицам. Благодарен не только родному Нижнему Карабуту, но и окрестным селам, деревням, хуторам, благодарен, разумеется, и жителям их — моим землякам. Благодарен послевоенному детству, в котором мне помимо радостных открытий, приобщений и познаний горестно дано было чувствовать боль и тоску пораненных после войны моих маленьких сверстников. Я благодарен ранней молодости и ранней зрелости, в которых, увы, было так много заблуждений; благодарен встречаю с прекрасными девушками, достойными женщинами — молодыми и старыми, великодушно видевшими во мне больше хорошего, нежели дурного. Я благодарен своей беззаветной, преданной музе — жене, неизменно чуткой, жертвенной и безобманной во все дни нашей семейной жизни; благодарен трудным и душевно одаренным моим сыновьям, внукам — они мне в разные годы давали самые сокровенные чувства любви, надежды и веры.

С детства живет во мне чувство благодарности не только родным и близким, отчему дому и окрестному миру, но и тогда неясное, трудно осознаваемое, трудно объяснимое чувствование чего-то величавого, всеохватного, надмирного — Божественного.

И перед открытыми вратами вечности снова и снова захватывает чувство любви и благодарности — благодарение Богу, природе, праведно или греховно (но во внутреннем покаянии) живущим и жившим на нашей разделенно-неделимой земле.

Была длинна иль коротка
Земная грешная дорога —
Жизнь, — благодарности строка:
И дар Любви, и благо Бога...

Прими же, вечности река!